МЕНЯ ЗОВУТ ПРАВДА

Григорий Шансов

18+

Григорий Шансов

Меня зовут Правда

«Автор»
2026

Шансов Г.

Меня зовут Правда / Г. Шансов — «Автор», 2026

Что может пойти не так на международном саммите ООН? Да всё что угодно. Атака террористов, пожар, бунт сторонников полосатых гекконов. Томас Форман, начальник департамента безопасности ООН, казалось, был готов ко всему, кроме того, что случилось на самом деле.Интервенция извне. Наука и политика встают на защиту обжитых рубежей. Сплотившись перед общей угрозой, человечество ударило по самому дорогому — по семье Формана. Что он выберет? Быть со всеми и не иметь проблем или жалкий путь отщепенца, лишенного привилегий? И что на самом деле эта странная интервенция означает для людей?

© Шансов Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Начало 5
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 22
Глава 7 24
Глава 8 26
Глава 9 29
Глава 10 30
Глава 11 31
Глава 12 34
Глава 13 37
Глава 14 42
Глава 15 44
Глава 16 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Григорий Шансов
Меня зовут Правда

«Так пускай наступает холодным рассветом на нас новый день…»
Дария Ставрович, Игорь Лобанов

Начало

Пелена облаков скрывала землю внизу. Пилот стратегического бомбардировщика напряженно следил за приборами. Огромный самолет медленно приближался к цели, обозначенной круглым красным сектором на табло. Внизу под облаками раскинулась ледяная Антарктида.

– Скоро, – прозвучал голос штурмана в наушниках. – Две минуты.

– Понял, – ответил пилот.

– «Рейдер-2», курс в порядке. Горизонт чист, – отозвался командир самолета радиоразведки и наведения, который в это время барражировал где-то в стороне. Бомбардировщик сопровождала группа истребителей. Всего 30 машин. Никогда пилот не летал в сопровождении такой армады прикрытия.

Сброс боезапаса произойдет в автоматическом режиме. Пятьдесят ракет малой дальности с термоядерным зарядом, способные превратить в руины мегаполис вместе с пригородами.

Пилот нервничал. Это был настоящий боевой вылет. Всякий раз, когда случалось вылетать на задание, он всем нутром чувствовал невероятную мощь боекомплекта. А когда машина опорожнялась, словно гигантская рыба избавлялась от бремени икры, в голове играла торжественная мелодия, что-то похожее на гимн.

– Рядом с объектом человек! – прокричал «Сигма». Наблюдательный дрон завис в двух километрах от цели, и его оператор повторил в эфире: – Рядом с объектом человек! Чертов холод! У меня камера замерзла и «зум» не ворочается! Не могу подлететь ближе! Плохо видно, очень далеко! Черт!

– «Сигма», повтори «Рейдеру-2»! – пилот бомбардировщика крутанул ручку и увеличил громкость в наушниках.

– «Сигма» «Рейдеру-2», повторяю: рядом с объектом человек!

– Это «Дуглас»! – раздался резкий командный голос в эфире. – Всем следовать плану «А»! Повторяю, всем следовать плану «А»!

– Человек вроде не из «этих», из наших, – через треск помех звучал голос «Сигмы».

На радиочастоте переговоров повисла тишина. Даже «Дуглас» молчал. Он уже отдал приказ. Бомбардировщик должен сбросить свой смертоносный груз без промедлений и захода на второй круг. Спустя несколько мгновений пилот увидел на панели световой сигнал раскрытия створок бомболюка и запуска механизма поочередного сброса ракет. Ракеты получали координаты, включали двигатели и уносились, расцвечивая нежно-молочные облака яркими огнями. Когда последний заряд одиноко сверкнул факелом и отправился догонять своих, бомболюк затворился, и самолет продолжил полет, не меняя курса. Работа сделана. На дальнейшее пилот никак не мог повлиять.

Глава 1

Томас Форман торопился. Он работал начальником департамента охраны и безопасности ООН. В пять утра пробок еще нет. Штаб-квартира в часе езды. На работе надо быть в 6.00, чтобы решить текущие вопросы до того, как в 11.00 начнется саммит по вопросам охраны окружающей среды. Жаркий будет денёк.

Его жена помогала собраться. Перед тем, как выйти, Форман встал перед ней для финального осмотра. Элизабет поправила мужу галстук и смахнула упавший короткий седой волос с пиджака. Перед расставанием они традиционно поцеловались.

– Буду позже обычного, – сказал он, обернувшись у двери.

По дороге Форман уточнил список делегаций и скорректировал данные по требуемой численности и загрузке персонала департамента. Машиной управлял автопилот. Спустя час Форман шел по подземной парковке под зданием Секретариата. Прихватив с собой кейс с документами, он вошел в лифт и вместе с другими сотрудниками поднялся наверх. Его офис располагался на 14 этаже 39-этажного здания. Из окна открывался вид на пролив Ист-Ривер.

Вскоре Форман с головой погрузился в работу. Необходимо было скоординировать отделы департамента, службы безопасности делегаций, смежные службы, а также службу охраны штаб-квартиры. Основные здания, парковки, пункты пропуска, техническое оснащение, персонал, работа камер и свежая база данных системы распознавания лиц. Внутренняя охрана, внешняя охрана, переодетые сотрудники и маршруты их следования. Сеть скрытых камер, микрофонов и датчиков, детекторы взрывчатки, отравляющих веществ и радиации. И не забыть проконтролировать работу кинологической службы. Этот старый метод все еще работал. Когда Форман только устраивался на работу в ООН, здания штаб-квартиры и Генеральной Ассамблеи имели множество недочетов в плане безопасности. Теперь же силами технического отдела и самого Формана слабые места практически устранены.

С раннего утра на 1-й авеню выстроились в ряд грузовики с песком, закрывая лицевую сторону комплекса ООН. Со стороны залива барражировали катера со снайперами. В воздухе, словно стая колибри-переростков, висели дроны с видеокамерами и вооружением против других дронов. База ВВС в Ньюбурге прикрывала небо, два взвода спецназа располагались неподалеку в тонированных автобусах, усиленные наряды нью-йоркской полиции наводнили квартал. За все эти меры безопасности жители ближайших районов откровенно ненавидели ООН.

В 9 утра началась видеоконференция со службами безопасности всех подотчетных офисов ООН. Форман провел эту встречу сжато. Заслушал обстановку по самым проблемным делам, дал несколько распоряжений, посмеялся над шуткой сотрудника из Женевы, прокомментировал подготовку к началу саммита и попросил не затягивать с ежедневными отчетами, особенно проблемный отдел из Эфиопии.

Наскоро покончив с работой в офисе, Форман спустился вниз и направился в здание Генеральной Ассамблеи, располагавшееся неподалеку. Делегаты прибывали. Восточные и африканские гости пестрили традиционными национальными нарядами. Сдержанные европейцы ограничивались строгими однообразными костюмами. Пик прибытия приходился на 10 часов, когда Томас вошел в здание Ассамблеи, часы показывали почти 11.

Это был типичный климатический саммит. Несмотря на значительный пиар, по мнению Формана, влияние саммита на мир оставалось слабоватым. Бла-бла-бла. Что-то кардинально он не менял. Быть может, в некоторой степени менял сознание масс. Массы, обуреваемые новой идеей, перемешанной со страхом, создавали проблемы промышленникам, и те искали обходные пути. Одним из таких обходных путей стало использование самого саммита для лоббирования интересов корпораций. Во всех остальных сферах от организации проку было еще меньше, что выглядело, по мнению Формана, довольно комично.

Но свою работу он выполнял ответственно. Чем бы ни занимались эти люди, Томас отвечал за их безопасность. Вокруг полно субъектов, которые истово желают портить жизнь другим. Из-за скуки, внутренней неустроенности, ради идей, не дающих покоя по ночам, ради призрачного «светлого будущего» или «восстановления справедливости» в их дико ограниченном понимании.

Саммит начался. В коридорах и фойе заметно поредело. Звук из основного зала транслировался во все уголки здания. На потолках в комнатах, коридорах, на стенах в фойе и даже в туалетах располагались аудиоточки. Форман не слушал то, что происходило в зале. Докладчики излагали мысли с трибуны, волновались, думая, что меняют мир, а затем приходило время для нового докладчика. И так по кругу. Аудитория вяло следила за мыслями, особенно когда уставала сидеть на месте. Другое дело – заседания Совета Безопасности, на которых больше драйва. Но и в этом случае Форману не до них. Зазвонил телефон.

– Мистер Форман, в Конго погиб сотрудник миссии, – послышался взволнованный голос сотрудницы отдела оперативного реагирования. – Я ничего не могу сделать. Их начальник безопасности невменяем.

– Что с ним? – спросил Форман.

– Я не знаю, говорить не может.

– Пришли мне его данные, я свяжусь. Сколько там сейчас? Я имею в виду время.

– 7 после полудня. Бернард Нгалула. Взят на работу четыре месяца назад. Я выслала номер.

– Хорошо, отправь общие инструкции на почту офиса в Конго и свяжись с ДПВМ.

Такое случается нечасто, но все же случается. В основном потери несут военные подразделения ООН, которые находятся под управлением и контролем ДПВМ, Департамента по Политическим Вопросам Миростроительства. Охрану невоенного персонала миссий курировал сам Томас.

Он сел в кресло возле окна в просторном коридоре. Очень хотелось кофе, но в здании его можно взять только на четвертом этаже в общем кафе или у сотрудников в офисе. Ему прислали номер начальника спецподразделения охраны в Конго. Том позвонил.

– Я Томас Форман. Вы Бернард Нгалула?

– Да, мистер Форман, – послышался в телефоне голос человека, пребывающего в крайней панике.

– Что у вас случилось? Успокойтесь и расскажите.

– Это Арон… Он лежит…

– Арон, это сотрудник миссии?

– Арон… Да… Арон… Его звали… Арон…

– Где он лежит и что с ним?

– На полу… Тут кровь… У него голова…, – жуткий акцент заставлял Тома напрягать слух. Из-за спазмов в горле Нгалула дышал со свистом.

– Где вы находитесь?

Нгалула молчал, продолжая шумно дышать.

– На него напали? – снова спросил Форман.

Нгалула дышал в телефон. Очевидно, он не мог оторвать глаз от пострадавшего.

– Закройте все двери и окна, пусть никто не выходит наружу, – скомандовал Томас, полагая, что Нгалула все-таки в офисе миссии или каком-либо помещении. – Позвоните в полицию, пусть они вызовут врача. Будьте осторожны с оружием, применять только для защиты. Бернард, вы меня слышите?

И снова в ответ шумное дыхание. Форман продолжил говорить без остановки, стараясь успокоить голосом. Наконец удалось выяснить, что Бернард обнаружил Арона на полу у входа в офис миссии. Нападавших нигде не было. Бернард смог позвонить в полицию. Дальше им

занималась сотрудница психологической помощи вместе с первым помощником Формана и отделом оперативного реагирования.

Передав дело Конго подчиненным, Форман направился по коридорам, инспектируя работу сотрудников. Когда они видели его, то становились особенно тщательными в исполнении своих обязанностей. Сегодня важно не прозевать ничего здесь, в здании Генеральной Ассамблеи. Том вошел в главную аудиторию и встал у входа. Перед ним открылся вид на полный зал, где помещалось 1800 человек. В это время за трибуной выступала молодая женщина лет 30-ти:

– Мир на пороге иной катастрофы! И мы все должны будем принять изменения в нашем обществе, которые скоро произойдут! Не всем это понравится, но иного выхода ни у меня, ни у вас нет!

Том отвлекся на телефон. Звонил первый помощник, который сообщил, что «у маятника» его ожидает мистер Ситон. Он поправил наушник, успевший натереть ухо, и направился к вестибюлю, где на лестнице, ведущей на верхний ярус, располагался маятник Фуко. Встреча не сулила ничего приятного, поскольку Ситон, по мнению Формана, изображал из себя деятельного человека и постоянно вмешивался не в свои дела. Только требование соблюдать субординацию удерживало начальника департамента от резких слов в адрес чиновника. Ситон занимал должность члена городского совета и, безусловно, метил в мэры или хотя бы в президенты района.

Форман и Ситон с фальшивой любезностью поприветствовали друг друга. Болезненно худой Ситон выглядел как сухофрукт. Наверное, подумал Том, у него что-то неладно со здоровьем.

– Вы слышали, что делегация Монако задерживается? – начал Ситон, услужливо пожимая руку Формана своей слабой ладонью.

– Разумеется, – ответил Форман, сдержав желание демонстративно отвернуться. Ситон опять лез не в свое дело.

– Что вы намерены предпринять?

– Это не входит в мою компетенцию, мистер Ситон, – отмахнулся Форман. – При них два наших агента. Остальное – дело логистики.

– Им следовало прибыть вместе с французами, чтобы сэкономить средства налогоплательщиков. Они арендовали ненадежный самолет, который с трудом пролетает над Атлантикой. Я интересуюсь, потому что среди них мой знакомый, можно сказать, друг, и я ему не раз об этом говорил, задолго до вылета. Когда они прибудут, Том, прошу тебя, поговори с ними, может хотя бы к тебе они прислушаются.

Форман пообещал разобраться поскольку это было сейчас проще, чем что-либо доказывать Ситону. Чиновник удалился с чувством выполненного долга, а Том направился в туалет. Из встроенных в стены динамиков доносилась речь докладчика, но Форман не слышал ни слова. Он думал о своей работе.

Ему пятьдесят восемь, и кое-кому из Совета кажется, что на его должность следует подыскать более молодого и деятельного человека. Мысль об этом неприятно прошлась холодком по телу. Как будто молодая бесполезная возня, поднимающая пыль и потому заметная издалека, может сравниться с эффективностью опытного сотрудника. Он посмотрел на себя в зеркало. Седые волосы, морщины, второй подбородок, довольно несвежая кожа.

Напряженный график работы сказывался на нем, хотя Форман делал вид, что он такой же, как и десять лет назад или даже двадцать. К концу дня он всегда валился с ног, надоедливо ныла спина и свистело в левом ухе так, что Том непроизвольно поворачивался к собеседнику правым боком. Хваткий ум и память все чаще давали сбои. Он научился компенсировать это постоянной работой с голосовым помощником, который хранил в своем электронном мозгу массу информации и частенько выручал.

На пятилетний срок его избирали дважды. Заступив на должность впервые, он увидел, как работает вся система, и разграничил ответственность отделов, отменил ненужные инструкции, создал Отдел Оперативного Реагирования и усовершенствовал систему безопасности Штаб-квартиры и прилегающей территории. Теперь же второй срок подходил к концу, и ему ясно дали понять, что переизбрания не будет. Это неизбежно, как старость и выход на пенсию, но Том все же испытывал тревогу.

Глава 2

Форман отправился в комнату службы безопасности. В помещении, обставленном мониторами, сидели четверо сотрудников, которые следили за обстановкой по изображениям с камер. Здесь также можно получить картинку с любого дрона, летающего над комплексом зданий. Операторы дронов располагались на 38-м этаже здания Секретариата.

Том налил себе кофе и сел на свободный стул у окна, прикрытого жалюзи. Отсюда была видна площадка перед зданием и часть скульптурных композиций. Он достал и запросил последнюю информацию у Энджи Ким, сотрудницы, отвечающей за постоянную связь с внешними структурами, такими как военные и полиция. Затем связался с первым помощником Сэмом Винтером, который во время саммита отвечал за безопасность внутри Зала Заседаний и решал мелкие проблемы с персоналом, не доводя их до Формана.

В это время на пункте пропуска проходили досмотр делегаты из Монако, которые задержались из-за медлительного самолета. Форман получил сообщение об их прибытии. Допив свой кофе, он направился обратно к себе в офис в соседнем здании, однако у выхода заметил Ашера Валле, агента ФБР, приставленного для связи со службой безопасности. Тот выглядел взволнованным.

– Томас, я как раз тебя ищу! – он указал глазами на незанятый никем угол рядом со входом. Форман неохотно подошел к нему, натянув дежурную улыбку дресс-кода. – У нас чрезвычайная ситуация, – полушепотом произнес Ашер Валле, сморщив и без того морщинистый лоб. – Мне нужно твое содействие. Задержать одного докладчика. Это срочно.

Форман безразлично посмотрел на агента. Он догадывался, что дело сугубо в интересах самого ФБР. Из-за шума вокруг ему пришлось повернуть правое ухо к агенту.

– Еще никогда мы не задерживали спикеров, – спокойно произнес Форман. – Он что, приволок на сцену бомбу?

– Ее зовут Кейт Иверос. Она из Северной Каролины. Я прекрасно понимаю, что мы не можем ее задержать, но ситуация требует именно этого. Понимаешь? Как в той песне… Как ее… «Выйди за рамки, детка», – агент попытался пошутить.

– Что она совершила? – Том напрягся, предчувствуя неприятности. От ФБР не так-то просто отделаться.

– Ты слышал ее выступление? – Ашер прищурился.

– Я давно не слушаю этот балаган. У меня своя работа, – раздраженно отмахнулся Форман.

– Сейчас нет времени рассказывать. Томас, это ради ее же безопасности.

Руководитель департамента в ответ усмехнулся.

– Я понимаю, – Ашер сделал примирительный жест руками, – звучит шаблонно, но это на самом деле так. Она вряд ли спокойно выйдет отсюда.

– Занятно, – ответил Форман. – В чем проблема?

– Она на весь мир сказала строго конфиденциальную информацию, – глаза Ашера Валле сузились до темных блестящих щелочек. – Это касается президентов Франции и Канады, должностных лиц налогового управления США, чиновника Белого дома и присутствующих на саммите представителей. Она прошлась по всем!

– Я не понимаю, поясни, пожалуйста. Ты собираешься моими руками сделать грязную работу? Она, скорее всего, журналистка, которая накопала компромат на твоих подопечных. Какой закон она нарушила? – Том Форман отвернулся в сторону. – Встречай ее на выходе и делай что хочешь, но меня не впутывай.

– Томас, послушай, – Ашер умоляюще посмотрел на собеседника. – Сейчас масса людей всполошилась не на шутку. Ее транслировали на весь мир. На выходе ее возьмут ребята из

АНБ, а ты знаешь, что будет с ней в лучшем случае. Если возьмешь ее ты, мы первыми поймем, кто она такая.

– Тем более я не буду совать свой нос в это дело, – Форман развел руками и собрался уйти.

– Послушай, тебе ничего не надо делать, просто не мешай мне, хорошо?

Хотя в здании довольно прохладно, агент обливался потом. Естественно, он думал в первую очередь не о безопасности журналистки. Том еще раз изучающе посмотрел на него и ответил:

– Только не вздумай на моей территории делать ничего такого.

– Все в рамках. Дай мне какую-нибудь комнату, где я мог бы с ней переговорить.

– Говори с ней в открытую. На втором ярусе есть места. Или в комнате отдыха дипломатов.

– Нет, Томас, мне нужно место, чтобы там не было никого.

– Новая комната переговоров на втором этаже, – отмахнулся Форман.

– Отлично! – Ашер пожал ему руку. – А теперь помоги мне ее найти. При такой толпе я буду искать ее до завтрашнего ланча.

Руководитель департамента безопасности еще несколько секунд помедлил, затем вызвал свободную сотрудницу и поручил помочь агенту. С помощью камер и системы распознавания лиц в здании ООН можно быстро найти любого человека. Отправив сотрудницу с агентом, Форман принял очередной звонок.

Звонил охранник с парковки под зданием Секретариата. Он только что обнаружил оставленную большую сумку у колонны. На этих колоннах держалось все здание, все 39 этажей.

Глава 3

Томас Форман мгновенно оценил масштаб ситуации. Это была напрямую его проблема, а вовсе не какая-нибудь журналистка. К любой оставленной без присмотра сумке следовало относиться, как к заложенной бомбе. Ему на планшет пришло фото этой самой сумки от сотрудника на парковке. Большая спортивная сумка черного цвета. Форман объявил по общей связи:

– Обнаружена подозрительная сумка. Код 12, расположение: здание «А», колонна 4В, 2 уровень. Директива 5-2. Подготовиться к немедленной эвакуации. Пост 3 – контроль записи камер.

Он еще раз повторил комбинацию, и теперь все сотрудники безопасности знали, что произошло. Где бы они не находились сейчас на территории штаб-квартиры, на въезде, выходах к заливу, пожарных проездах, крышах, внутри и снаружи библиотеки и других построек, а также в большом количестве рассеянные по зданию Генеральной Ассамблеи, они все услышали сообщение, которое могло означать, что жизнь поделилась на «до» и «после». Вся эта тонко организованная система пришла в движение. Уровень два пятой директивы, кроме всего прочего, означал, что решение об эвакуации принимает либо Форман, либо Генеральный секретарь.

Эвакуация огромного здания – дело не шуточное. Затратное по уровню стресса и отголоскам в прессе. Особенно, когда в соседнем здании проходит общемировой саммит, и которое из-за угрозы также подлежало эвакуации, если Форман посчитает это нужным. Ошибка будет стоить ему карьеры и приведет к тюремному сроку. Том постарался успокоиться и холодно оценить проблему.

Скорее всего сумку забыл кто-то из сотрудников, хотя это строго запрещено. Запрещены даже сумки такого размера. Пронести в здание эту сумку мимо службы досмотра основного входа невозможно. Доступ на парковку под зданием Секретариата есть только у сотрудников, которые попадают на территорию через свой отдельный контрольный пункт. Большую сумку можно провезти в багажнике автомобиля через проезд для персонала при плохом досмотре. Форман часто встречался с халатностью персонала, и скорее всего имеет дело с этим и теперь.

В это время с ним связался отдел мониторинга «Пост-3». Форман к этому времени вышел из здания Генеральной Ассамблеи и направился к Секретариату, рискуя увидеть, как огненный смерч рушит большую серую коробку. Отдел мониторинга выяснил, что тревогу подняла система-ассистент контроля помещений и оповестила ближайших охранников и сотрудников безопасности. Сумку оставила Анна Кросс, 65 лет, служба клининга. Она спустилась на лифте с сумкой и оставила ее у своей машины, затем вернулась в лифт номер 12 и сейчас поднимается на 29-й этаж.

Форман тут же выяснил по общей связи, кто в данный момент находится ближе всех к 29 этажу здания Секретариата, и приказал задержать ее и дать ей рацию. Он также приказал очистить этаж парковки, перекрыть переход в здание Генеральной Ассамблеи и отключить все лифты, кроме 12-го. Время тянулось мучительно медленно, секунда за секундой. Объявлять эвакуацию или нет? Поведение несчастной Анны не вписывалось в рамки террориста, только если она не смертница. Но директива предписывала Форману не полагаться на интуицию. Время объявлять всеобщую эвакуацию! Наконец по рации сообщили, что Кросс на связи.

– Анна, что в сумке? – крикнул Форман.

– Мистер Форман, ничего, – послышался перепуганный голос. – Мои вещи.

– Почему вы их оставили?

– Я забыла ключи от машины и вернулась.

Форман распорядился помочь ей с ключами и доставить на место. К этому времени он спустился на парковку. Охранник махнул ему рукой с противоположного конца, указывая на

колонну, где стояла подозрительная сумка. Форман остановился у лифта номер 12. Спустя несколько секунд оттуда вышла та самая Анна Кросс, одутловатая женщина, сгорбившаяся под тяжестью навалившихся на нее проблем, в сопровождении трех охранников. Один из них приковал ее к себе наручниками.

Добравшись до сумки, она непослушными руками раскрыла ее и показала содержимое. Там лежала какая-то одежда, пара кремовых туфель, фен, бело-голубой парик и полотенце. Форман устало вытер лоб и объявил по общей связи:

– Это начальник департамента Форман. Найденный предмет безопасен. Отмена директивы 5-2. Всем проверить закрепленную территорию.

Ну и денёк! Сотрудница клининговой службы стояла, опустив голову. Ее умоляющие о пощаде глаза смотрели то на Формана, то на Винтера, который тоже оказался здесь, то на других сотрудников департамента, подошедших к ним.

– Кто попросил вас оставить сумку здесь? – спросил Форман на случай, если все это был отвлекающий маневр.

– Никто, сэр. Никто. Это моя ошибка, я виновата. Мне не следовало так делать, – пролепетала Анна, готовая заплакать. Весь ее вид вызывал у окружающих щемящую жалость.

– Я должен вас задержать, мэм, – произнес Форман. В нем кипел гнев за все то, что произошло по ее вине, по вине службы досмотра и даже тех агентов, которые не заметили, как она оставляла злополучную сумку, а тревогу подняла автоматическая система мониторинга. Человеческий фактор, будь он неладен, который в эту самую минуту снова встал ему поперек горла.

С нее сняли наручники, и Форман поручил своему первому помощнику Сэму Винтеру оформить дело.

– Таковы правила. Это ненадолго. Мой первый помощник сопроводит вас.

– Оформи все, – приказал Форман. – Приставь к ней кого-нибудь, и пусть никуда не уходит.

– Туда же? – спросил Сэм?

– Да, – ответил Форман, имея в виду помещение рядом с комнатой отдыха персонала департамента в здании Генеральной Ассамблеи. Туда собирали всех подозрительных лиц из «неопасной» категории, с обнаруженными проблемами в документах, потерявших свою делегацию, а также тех, кто обратился за помощью к одному из сотрудников.

Голова Формана кипела, ухо болело от постоянно вставленного в него наушника. Том переставил наушник на другую сторону и направился в здание Ассамблеи через переход между зданиями. Только теперь он заметил, что основательно взмок. Расстегнув пиджак, он позвонил Генеральному секретарю ООН и доложил об инциденте.

Генсек в это время находился на своем месте, расположенном за трибуной, в главном зале заседаний. Он выслушал Формана и поблагодарил за быстрое реагирование. От звонка охранника до отмены тревоги прошло три минуты. Все это он опишет в подробном отчете, который будет придирчиво изучать генсек. Но это потом…

– Мистер Форман, она у нас. Комната переговоров на втором этаже, – прозвучал в наушнике женский голос. – Агент просит вас зайти.

– Кто она?

– Кейт Иверос.

Том не сразу сообразил, что это говорила сотрудница, которая должна была открыть агенту ФБР комнату переговоров. Форман хотел было ответить, что не придет, но решил не портить отношения с ФБР, и зашагал по коридору, на ходу обдумывая содержание отчета по инциденту с сумкой. Сотрудницу уволят, но это не главное. Главное – как действовал сам Форман. Потребуется обоснование каждого шага. Приближалось время обеда. Сейчас нужно как

можно скорее избавиться от агента ФБР с его экологической истеричкой, пообедать, проверить обстановку на местах и разгребать работу в офисе. Только бы не свалилось еще что-нибудь.

Глава 4

Увидев толпу репортеров у двери, Форман понял, зачем он понадобился Ашеру Валле. ФБР всегда перекладывало ответственность на других, особенно перед общественностью. Растолкав репортеров, он вошел в комнату переговоров.

На одном из темных кожаных кресел сидела миловидная женщина лет 30-ти в строгом деловом костюме. Волосы цвета пепельный блонд собраны в прическу, какую носят подруги невесты на торжестве где-нибудь в Оклахоме, вызывающе темный макияж подчеркивал и без того большие глаза, вокруг шеи повязан тонкий газовый шарфик черного цвета. Глаза ее словно светились. Это была та самая докладчица, которую Форман видел сегодня за трибуной.

Напротив нее сидел агент ФБР, стараясь делать вид, словно он здесь вообще не причем. Чего боялся Ашер Валле, Форман не понимал. Сев на свободное место чуть поодаль, Томас вопросительно посмотрел на агента.

– Мистер Форман, я не хотел начинать интервью без вас, – неискренне улыбнулся Ашер Валле, выделив слово «интервью».

Форман промолчал, понимая неоднозначность ситуации. Он откинулся в кресле и ткнул пальцем на ручные часы, давая понять агенту, что времени и терпения оставалось крайне мало.

Мистер Валле приступил. Кейт Иверос отвечала с готовностью, словно давно мечтала об этой беседе. Подкрученные локоны ее светлых волос, обрамляющие лицо, то и дело забавно колыхались, когда она кивала в подтверждение или усиливала мысль движением головы. Подетски наивным взглядом смотрела она на Ашера, словно тот был ее защитником и попечителем. Она явно не понимала, в какое дерьмо вляпалась, подумал Том.

Он достал из кармана планшет и занялся перепиской с подчиненными ему отделами, изредка бросая взгляд на беседующих. У нее довольно большие голубые глаза, которые переливались до зеленоватого. В этих глазах, на первый взгляд, было нечто гипнотическое. Говорила она горячо и страстно. Формана всегда раздражал мрачный макияж в стиле гранж, но на Кейт он смотрелся сносно, даже кажущаяся абсолютно черной губная помада в оттенках темного вина. Ее жизнерадостность и ее образ противоречили друг другу, но вместе с тем создавали необъяснимое соцветие притягательности. И этот шарфик на шее… Что он скрывал? Следы страстной ночи? Как бы там ни было, ее следовало выпроводить отсюда как можно скорее.

Прошло долгих 15 минут – огромное одолжение начальника департамента не только агенту Валле, но и всему ФБР. Том оторвал взгляд от планшета. Ашер сидел в кресле, захваченный противоречивыми чувствами. У него закончились вопросы, и он, сам того не замечая, стал повторяться. Все, что она говорила, было похоже на полное издевательство над здравым смыслом и сюрреализм. Забавляясь положением, в котором оказался мистер Валле, Форман окинул взглядом их обоих, эту нелепую парочку, Кейт и Ашера, и решил ввязаться в разговор, чтобы быстро прикончить его:

– И все же, мисс Иверос, какова ваша конечная цель? Вы произнесли публично информацию, которая звучала, как обвинение. Теперь у вас будут проблемы. И от вас непременно потребуют извинений. Зачем вам все это?

– Я не боюсь проблем, – ответила она. – Я просто показала, что знаю правду, вот и все. Правду, которую эти люди предпочли бы скрыть. И всякий раз, когда они захотят навредить мне, я скажу миру еще больше.

– Не понимаю, – Том сделал сочувствующее лицо. – Вы кажетесь наивной. Чего вы добьетесь? В конце концов они заставят вас замолчать.

– Быть может, – Кейт пожала плечами. – Но ведь я буду не одна.

– Сколько вас?

– Я пока не знаю, – она снова пожала плечами.

– Отлично, – Форман встал, поправляя пиджак. – Надеюсь, мы с мистером Валле не утомили вас?

– Нет, нисколько, мне было очень приятно, – Кейт также встала и протянула руку для рукопожатия. Форман пожал ей руку. Валле поднялся, тяжело вздохнув.

– Если будет желание поговорить, звоните, – агент ФБР протянул визитку и неуверенно добавил, будто знал, что она никогда ему не позвонит, – в любое время дня и ночи.

Кейт Иверос вышла из переговорной и оказалась в окружении жадных до сенсаций работников информационной сферы. Форману в это время позвонили, и он, махнув на прощание мрачному агенту, исчез за дверью.

Он направился туда, где находились хозяйственные помещения. Его ждали. В маленькой каморке охраны на стуле, поставленном в центре, сидел человек в наручниках, застегнутых за спиной. На вид ему около 60. Странная одежда напоминала лохмотья, а на груди и руках видна свежая кровь. Кровь была и на полу вокруг. Его задержали в вестибюле. Рядом стояли два сотрудника безопасности.

– Этот чувак спрятал лезвие во рту. Прямо за щекой. Вот оно, – один из сотрудников показал на стол, где лежал испачканный в крови предмет, похожий на сменное лезвие для хирургического скальпеля. – Он хотел пробраться в зал, но мы вовремя заподозрили неладное. Тогда он достал свою бритву и стал резать себя. Надо же так ухитриться.

Он показал движениями как задержанный полосовал свою несчастную плоть. Том поморщился и попросил его документы, пролистал их и встал напротив задержанного:

– Зачем ты это сделал?

– Глобализация уничтожит человечество! – сдавленным голосом ответил тот. – Разве вы не видите, слепцы! Куда катится мир! Остановите корпорации, остановите безумие!

Человек смотрел глазами зверя, запуганного до смерти. Чего он хотел добиться? Его мышление находилось под стойким убеждением, что все проблемы человечества – от глобализации. Не будь ее, все были бы счастливы. А может он просто считает, что глобализация доконает человечество? В любом случае, если мир покатится к чертям, причина найдется. А человеку для смысла нужна борьба, хоть с мельницами, хоть с красной тряпкой тореадора, но борьба. Бесплодная, суетливая борьба, которая дает временное ощущение смысла существования, но создает кучу проблем для других.

– Оформи его и передай властям города, – распорядился Форман. – Скажи, что нужен психиатр и проверка на наркоту. Перешли мне фото его бритвы с указанными размерами. Меня интересует, как он смог ее пронести. И пригласите медика. Пусть сделает осмотр с протоколом.

Форман вышел в вестибюль, где его встретил первый помощник Сэм Винтер. Он показал жестом, что снаружи есть нечто, требующее его внимания. Они вышли из здания. У ограждения толпились люди с плакатами.

– Все в порядке? – спросил Форман.

– Их все больше. Там всего трое полицейских.

– А сколько наших?

– Десять человек, сэр.

– Сколько готовы прийти на помощь?

– Я собрал еще около десяти, – ответил первый помощник.

– Поставь их ближе ко входу, чтобы их было хорошо видно.

– Да, сэр!

– Проинструктируй, чтобы сохраняли дружелюбие, – криво улыбнулся Форман, – они нам не враги, они просто люди со своими дурацкими идеями. И сразу сообщай мне об изменениях.

Форман позвонил начальнику полиции Манхеттена и попросил еще сотрудников. Оказалось, что неподалеку произошла перестрелка, и полицейские либо прочесывали квартал, либо

помогали пострадавшим и оформляли инцидент. Начальник полиции обещал дать еще людей, как только сможет. Форман записал голосовое сообщение советнику Энджи Ким, чтобы она была в курсе и проконтролировала ситуацию с количеством полиции на входе.

После всего этого он направился в здание Секретариата. Небольшой ланч на нижнем этаже в компании ооновских клерков выровнял ему настроение. Одно время генсек хотел организовать доставку еды с помощью роботов-официантов по всем кабинетам Секретариата и даже Ассамблеи, но Форман был категорически против из соображений безопасности. Генеральный секретарь ООН тогда прислушался к его мнению.

Сразу после ланча он уединился в офисе, испытывая сильное желание закрыться на замок. В офисе у начальника департамента по вопросам охраны и безопасности ООН всегда много работы с документами. Он никогда не успевал сделать все полностью, всегда оставались «хвосты». Томас мысленно послал все к черту, сел в кресло и минуту бесцельно смотрел на залив Ист-Ривер. «А может, уйти на покой?» Он закрыл глаза и постарался ни о чем не думать пару минут.

В послеобеденное время количество проблем резко падало. Люди добрели, слабели, а проблемные ситуации чаще происходили именно утром. Том не знал доподлинно причины этого явления. Службе безопасности оставалось только следить за порядком, по окончании программы обеспечить отбытие делегатов за пределы территории штаб-квартиры ООН, а затем провести финальный осмотр территории. После этого консультанты и помощники собирались в главном зале, где Форман обсуждал с ними обстановку дня и давал распоряжения. Там же он давал руководство на следующий день. Собрав рапорты о происшествиях, он садился вместе с первым помощником за основной отчет, который следовало отправить Генеральному секретарю ООН на ознакомление. И так каждый из четырех дней саммита.

Глава 5

После полудня жара взбесилась. Сидя за компьютером, Форман ослабил галстук и скинул туфли. Откуда-то снизу поступал кондиционированный воздух, но его явно не хватало. Работать не хотелось – обычное полеобеденное состояние. Помимо охраны саммита по вопросам экологии, его департамент следил за миссиями по всему миру, в том числе и в горячих точках. Отчеты приходили круглые сутки. Страны третьего мира, как правило, плохо справлялись с безопасностью, и это влияло на защиту миссий. Последнее время Форману стала приходить мысль, лишь изредка и украдкой, что он пытается балансировать на канате, который ветром раскачивает все сильнее.

– Шеф, – раздался голос по внутренней связи. Форман вернулся в реальность. – К вам Уолтер Маккой.

– Принято, – ответил Форман. – Я у себя, пусть поднимается.

– И не подумаю! – послышался голос самого Маккоя. – Спускайся сам, у меня нет времени!

Маккоя пропускали везде. Первый заместитель начальника штаба ВВС США слыл человеком импульсивным и на редкость везучим. Высокого роста, полноват, с грубыми чертами лица и вечно хмурым видом, он наводил панику на подчиненных и заставлял окружающих внутренне собраться. Из-за лишнего веса у него пришли в негодность суставы ног, их заменили на искусственные, но хромота осталась. Маккой ничуть ее не стеснялся. Напротив, завел себе инкрустированную трость с золотым набалдашником и щеголял с ней повсюду так, будто хромал после ранения, когда катапультировался из горящего истребителя на вражеской территории.

Форман вставил ноги в туфли, показавшиеся излишне узкими, накинул пиджак, поправил кобуру с пистолетом, спустился вниз и вышел из здания. На бетоне можно было запросто приготовить яичницу. Маккой выбрался из машины в сопровождении двух молодцеватых офицеров, и встал, опираясь на свою трость.

– Ты все в своей вонючей конуре сидишь! – громко сказал Маккой и крепко пожал руку Форману. У обоих захрустели костяшки. Они были одноклассниками, вместе окончили колледж, и теперь дружили семьями.

– Небесный летун пожаловал, – усмехнулся Том, заметив, что «летун» все же слегка похудел.

– В отличие от земли, там всегда хорошая погода, – усмехнулся Маккой, показав на небо. – Моя «птица» села на дрянной дополнительной полосе. Какой-то идиот не давал мне полосу! Придурок! Я приказал прочистить ему мозги.

– Рад тебя видеть, Уолтер! Но зачем ты пожаловал в эту богадельню? Экологией ты вроде не болен.

– Я бы пропустил это твое скверное шоу мимо ушей, если бы не одно дело. Здесь выступала одна бабёшка. Ее узнали мои ребята, – Маккой, прищурившись, посмотрел в сторону здания Ассамблеи. – Том, мне нужно задать ей пару вопросов. Надеюсь она еще здесь.

Даже не услышав имя «бабёшки», Форман мог поспорить, что вояка пожаловал из-за Иверос. Ашер Валле оказался прав насчет нее.

– Здесь она еще или нет, я понятия не имею, но попробуй, – ответил Форман. И сделай мне одно одолжение, Уолтер. Выведи ее с моей территории и можешь хоть на свидание пригласить на высоте 11 километров.

Прищурив глаза, Маккой посмотрел на Формана. Думал он быстро, как и вся электроника, которой напичканы его самолеты. Серые глаза бегло пробежали снизу-вверх, а короткие волосы на голове, казалось, взъерошились еще больше.

– Брайан! – крикнул он.

– Да, сэр! – откликнулся один из офицеров.

– Доставь эту Иверос ко мне.

– Слушаю, сэр!

– Уолтер, только пусть без принуждения. Ты меня понимаешь? – попросил Томас.

– Слышал, Брайан? – Маккой кивнул в сторону Формана.

– Да, сэр! – круто повернувшись, офицер спешно удалился. Форман мысленно пожелал ему удачи, ведь, как и агенту ФБР, ему не найти Кейт без помощи людей Формана. Хотя, если сейчас ее окружают журналисты и репортеры, задача вполне выполнима.

– Наболтала лишнего? Зачем она тебе?

– Ну уж нет, – Маккой выдавил из себя нервный смешок. – Мне нет дела до ее болтовни. У меня имеется парочка вопросов, которые могут многое для меня прояснить. Не люблю такие сюрпризы.

– Что-то важное, раз ты сам прибыл сюда? – спросил Форман. – Мог бы послать людей.

– Я здесь, чтобы не случилось осечки, – ухмыльнулся Уолтер.

– Отлично! Надеюсь, ты справишься без моей помощи, – в наушнике в это время зазвучал сигнал вызова по телефону.

– Может заскочишь ко мне на выходных? Пропустим по бокальчику вермута. Бери Элизабет, Ханна будет только рада, ты же знаешь, – Уолтер улыбнулся одними губами. Его глаза всегда оставались холодными серыми камнями.

– С удовольствием, – ответил Форман. – Пришли за мной одну из своих птиц. Они летают быстрее пассажирских коптеров.

Он отошел и принял звонок. Звонил первый помощник. Томас выслушал его и тут же отправился в здание Ассамблеи.

– Посмотри 15-й пост, – попросил он сотрудника за монитором видеонаблюдения в комнате службы безопасности. Тот вывел на экран изображение. – Так и есть, не исполняет обязанности.

В это время Форману пришло сообщение от сотрудника на пропускном пункте: «Машина АНБ у входа». Это мало что означало. Скорее то, что сотрудник, передавший сообщение, настоящий профессионал. Все машины АНБ законспирированы, но у службы КПП есть своя негласная база данных, в которой большинство из них перечислены.

Форман вызвал одного сотрудника из категории «на подхвате», который помогал на всем этаже. Объяснив задачу, он отправил его заменить сотрудника Питерсона. А самого Питерсона по внутренней связи вызвал в комнату службы безопасности здания Ассамблеи.

С самого начала этот Питерсон ему не понравился. Ленивый и халатный. В разгар дня он может долго переписываться с кем-то в телефоне, смотреть видео или разгуливать среди людей, выискивая симпатичных девушек и пялясь на них.

Спустя минуту Питерсон вошел в комнату. Высокий нагловатый тип. Увидев Формана, он внутренне собрался, сделал серьезный вид и кивнул в знак приветствия. Спокойным тоном Форман перечислил, какие пункты должностных обязанностей он нарушил, и объявил, что Питерсон уволен. В это время подошли двое других сотрудников, готовые нейтрализовать его, в случае необходимости. Питерсон покраснел от волнения и несправедливости, которая, как он считал, сейчас совершалась, дрожащими руками отдал оружие, служебные документы, и снял пристегнутый бейджик. Двое сотрудников увели его, чтобы тот сдал униформу и забрал из раздевалки свои вещи. После этого они выставят Питерсона за территорию ООН. Форман не чувствовал ни жалости, ни чувства торжества справедливости.

В это время на планшете появилось сообщение от сотрудницы из Нигерии Марии Аграманте: «Сложная обстановка, сторонники Якубу замышляют свержение правительства». Форман знал, что одновременно с ним это сообщение получил и отдел реагирования. Отдел пользо-

вался искусственным интеллектом Эва, который мог за секунды обработать массу информации из разных источников, и выдать релиз на любую тему. При этом он запрограммирован в рамках определенных алгоритмов и источников информации. Придется сегодня взять на контроль еще и ситуацию в Нигерии.

Форман поднялся на верхний уровень, где отдал распоряжения сотрудникам, контролировавшим выходы на технический этаж, затем спустился вниз, чтобы наконец отправиться к себе в офис, где можно выпить кофе и погрузиться в работу за компьютером. Ноги настойчиво просили передышки.

Проходя по людному вестибюлю, Форман заметил Кейт Иверос. Она направлялась к выходу, держа в руке небольшую сумку. Перед ней шел Жак Ривер, престарелый сотрудник службы безопасности, который работал здесь еще тогда, когда Тома взяли простым досмотрщиком. Худой силуэт Ривера бросался в глаза. Его фигура напоминала вопросительный знак. Он часто оглядывался на Кейт, чтобы проверить, идет ли она за ним. Том сразу понял, в чем дело. Жак Ривер тайно работал на АНБ, но не знал, что Форман раскрыл его.

– Ривер! – окликнул его Том. Престарелый сотрудник остановился и повернулся к своему начальнику.

– Могу я поинтересоваться, куда вы направляетесь? – Форман подошел к ним.

– Эту женщину на выходе ожидают репортеры, – не моргнув глазом ответил Жак Ривер. В это время Иверос посмотрела на Жака так, будто поняла, что тот лжет.

– Ее сейчас ожидают куда более важные персоны, чем какие-то репортеры, – Форман указал в сторону машины Маккоя, которая была видна сквозь стеклянные двери. – Пожалуйста, следуйте со мной.

Кейт растерянно посмотрела по сторонам и пошла за Форманом. Жак Ривер куда-то исчез. Она вышла из здания, и порыв сильного ветра чуть не сорвал шарфик с ее шеи. Локоны светлых волос беззащитно затрепетали, словно на кукле, выброшенной на помойку.

– Этот пожилой мистер сказал, что снаружи меня ждут репортеры. Они хотят задать мне несколько вопросов. Но он лгал мне. Как я не распознала это сразу? – Кейт сосредоточенно смотрела себе под ноги, обдумывая ситуацию, затем подняла глаза на Формана. – Я поняла, только когда вы его спросили.

– Это АНБ, – ответил ей Том с усмешкой. – Берегитесь их. После всего, что вы тут наговорили, вам лучше покинуть это место и затеряться.

– Почему я должна бояться АНБ? Я ничего предосудительного не сделала. Меня защищают законы этой страны, – она остановилась на полпути, глядя Форману в глаза.

– Мисс Иверос, мы идем сейчас к военному, от которого вам больше пользы, чем от других. Езжайте с ним и будьте осторожны. А лучше покиньте страну.

Из машины им навстречу выбрался Маккой:

– Добрый день, мисс Иверос. А где мой Брайан?

– Ее чуть не сцапало АНБ, – ответил Том.

– Вот как, – Маккой открыл дверь автомобиля, приглашая женщину садиться.

– Куда мы едем? – спросила Кейт.

– Куда скажете, – ответил Маккой. – У меня к вам несколько вопросов, только и всего.

– Значит, я не задержана?

– С чего бы это? Мы военные, у нас совсем другие задачи и методы, – галантно ответил Маккой. Несмотря на наигранные манеры, глаза его оставались безразличными. – Если хотите, поедем в ресторан, или еще куда, да хоть ко мне на военную базу.

Удовлетворившись ответом, она села в машину. Томас наскоро попрощался с Уолтером и зашагал ко входу в здание Секретариата. Наконец-то скандальная истеричка, добравшаяся до трибуны ООН, покинет территорию Формана и заберет все свои проблемы с собой. Мимо пробежал запоздалый репортер, который хотел поговорить с Кейт. А может с Уолтером? Он

ведь важная фигура в Штатах. Форман даже не обернулся. Ему все равно, с кем хотел поговорить этот репортёришка.

В кабинете секретарша принесла стопку бумаг, аккуратно сложила на столе и спросила:

– Кофе?

Форман молча кивнул, бегло пролистал бумаги и отложил, ввел пароль на компьютере и принялся за составление отчета, чтобы потом не сидеть за ним до самой ночи. Скоро на его почту пришла информация по Нигерии, по инциденту в Конго, а также много всевозможных сообщений по другим текущим вопросам.

Глава 6

Поздно вечером он приехал домой в местечко Парамус. В том районе обитало много фанатов колонизации Марса. Всюду развевались флаги колонизаторов, а на домах красовались таблички почетных спонсоров. На самом деле это мероприятие оказалось самоубийственной затеей с огромным бюджетом, но мир старательно не хотел этого признавать. Хотя идея красивая. Да и кто может осудить желание человека умереть на другой планете? Не все ли равно, съедят тебя земные черви или ты, будучи сожженным метановым пламенем, будешь упакован в базальтовую нишу марсианского кладбища, а твою табличку в скором времени занесет красноватый песок?

Том задержался в гараже, выгружая вещи из машины, забытые с прошлого уикенда. В гостиной его встречала Элизабет. Сквозь яркий свет, бивший в глаза, он разглядел ее улыбку. Она обвила руки вокруг его шеи и поцеловала его.

– Как ты тут без меня, моя крошка? – шутливо спросил он, сквозь сумасшедшую усталость.

– Я нормально. Ужин готов. Раздевайся, ты уже провонял, – она расстегнула ему рубашку, стянула и бросила на пол. – Иди скорее мыться.

«Она соскучилась», – отметил про себя Том, оказавшись в ванной комнате. На ум пришла Кейт Иверос и события вокруг нее, но он сразу же отогнал мысли о работе. Хватит с него всей этой параноидальной возни, этого саммита и людей с их захватывающими идеями. Забыть, забыть. Вода, как много в ней живительной силы. Он почувствовал, как усталость ненадолго отступила.

Элизабет приготовила ужин. Обычно они ужинали в небольшом кафе за мостом, но в последние годы ей нравилось экспериментировать у себя на кухне. По словам мужа, получалось даже лучше, чем в ресторанах, где готовили лучшие шеф-повара, а не роботы. Том сел за небольшой круглый стол из белого стекла, который им подарили Уолтер и Ханна Маккой. Точно такой же стоял у Маккоев дома и безумно понравился Элизабет, когда Форманы заезжали к друзьям после дел в Вашингтоне.

Она работала ассистентом дантиста в клинике при университете, где 4 часа подряд подавала инструменты и совершала манипуляции над открытыми ртами пациентов. Работа ей была необходима, чтобы не свихнуться от одиночества дома, если бы ей пришлось ограничиться только ведением быта.

Их двое детей, Трейси и Питер, выросли, обзавелись семьями и обосновались на западном побережье. Дети вели обособленную жизнь, навещая родителей один или два раза в год, чаще на Рождество или День благодарения, а на какую-нибудь другую значимую дату, чей-то день рождения или подобное, вся семья встречалась по видеосвязи.

За ужином Том и Элизабет поговорили о делах, а после расположились на диване перед телевизором. Показывали очередной глупый сериал. Элизабет с удовольствием смотрела сериалы, но в этот раз была настолько утомлена, что почти засыпала. Ее голова лежала на его груди, глаза полуприкрыты. Она нежно массировала его бицепс и гладила руку. В углу горел уютным розовым светом торшер.

– Сегодня виделся с Маккоем, – сказал Том, приглушив звук телевизора.

– И что он делал в Нью-Йорке? – спросила она еле слышно.

– Приехал по службе, – ответил Том, еще раз вспомнив о Кейт. – Он пригласил нас на выходные. У тебя какие планы? Сможешь?

Его жена кивнула, говорить ей не хотелось. Она засыпала. Том поцеловал ее в макушку и убрал упавший светлый локон с ее лица. Он смотрел на ее милые морщинки у глаз, линию носа, губы, ее лоб под редкой старомодной челкой. Ей было почти 50, ему 58. Их друзья удив-

лялись, как им удалось сохранить отношения на такое долгое время. Том и сам удивлялся. Просто считал, что ему крупно повезло с Эли. Глубина ее любви, доверия, участия и еще много чего неуловимого рождала в нем ответные чувства. Он и сам не понимал до конца природы этих вещей, но отдавал себе отчет, что именно она научила его по-настоящему любить, прощать и жить полнокровно. Ворвавшись ураганом в его холостяцкую жизнь, она мигом навела в ней порядок. Причем совершенно ничего для этого порядка не делая. Просто Том, горя к ней чувствами, сам делал всё то, что требовалось, без нравоучений, истерик и слез. Они боялись чем-то обидеть друг друга и сразу договорились не молчать о своих желаниях и чувствах. Этот договор, хотя и не был нигде записан, для них приобрел статус семейного закона. Они почти никогда не ложились спать в ссоре. В их жизни бывало всякое. Однако обоюдное желание наладить отношения, простота восприятия мира и взаимные чувства не оставляли шансов продолжительным раздорам.

Том чувствовал, как затекает рука. Пиликнул планшет. В это время отправлять ему сообщения могли только по очень важным делам. Том не шелохнулся. Элизабет пребывала в объятиях здорового, всепоглощающего сна. Он улыбнулся, некстати вспомнив забавный случай, как она сопротивлялась его попыткам окунуть ее в воду, когда они гостили у Трейси в прошлом году. Солнечный пляж, небольшой ветер и слабая волна. Элизабет всегда боялась воды и плавала, как топор. Он осторожно уложил ее на диване, подложил подушку под голову и стал раздевать. Она улыбнулась в полудреме и помогла ему. Ее глаза оставались закрыты.

– Я как пьяная, будто после вечеринки, – пробормотала она.

– Не волнуйся, у меня уже есть опыт в этом деле, – заверил Том.

– Будешь всю жизнь вспоминать, – улыбнулась она, не открывая глаз.

– Это было незабываемо, – усмехнулся он. – Люблю тебя, спи. Я скоро приду к тебе, будем спать здесь.

– Я тебя тоже, – ее губы снова растянулись в улыбке. – Я так устала. Давай будем спать, сегодня у нас ничего не будет.

– Хорошо, я хотел предложить тебе тоже самое, – он поцеловал ее и пошел проверить планшет.

На слабо светящемся экране открылось сообщение: «Военный переворот в Нигерии, 5.44 по местному времени, оценка опасности: 7 из 10». Форман ответил: «Директива 122». Все прекрасно знали, что в случае военного переворота или подобной ситуации следует действовать согласно директиве 122, но ждали распоряжения Формана. Служба безопасности работала отдельно от Совета Безопасности ООН, по своим внутренним алгоритмам, исключающим влияние политики. Совбез же был насквозь политизированным.

Глава 7

На выходные Том и Элизабет отправились к Маккою. Дорога в один конец из Нью-Джерси до пригорода Вашингтона занимала восемь часов на машине, на скоростном аэротакси ровно 2 часа, а на вертолете еще быстрее. Как и просил Том, за ними прилетела «птица». Четырехсотый «Хью» – военный вертолёт, сел прямо перед их домом, раскидав ураганом от лопастей горшочки с цветами на террасе, которые до этого кропотливо расставляла Элизабет. Она вышла из дома в приподнятом настроении, но, увидев весь этот хаос, остановилась и уронила сумку с вещами на доски террасы.

– Я помогу, – Том принялся составлять цветы у края ограждения. – Все хорошо, им ничего не будет, садись в вертолет.

Его жена обреченно направилась к винтокрылой машине, стараясь не смотреть на террасу. Том знал, что она сейчас готова расплакаться. Он помог ей забраться на сиденье и сев рядом, взял ее горячую руку в свою. Она выдернула руку. Старый вертолет, гремя железяками, резко поднял их в небо и взял курс на юго-запад.

Том снял с держателя наушники внутренней связи и сказал пилоту, чтобы в следующий раз не садился так близко к их дому. Пилот показал жестом «окей». Элизабет сидела, нахмурившись, и смотрела в стекло широченной двери на проплывающие леса. Говорить при таком шуме было непросто, поэтому Форман примирительно посмотрел на нее и снова взял ее руку, которую она больше не выдернула. Ее что-то взбесило во всем этом, и это даже не цветы, а какое-то спокойствие Тома в тот момент, когда все внутри у нее оборвалось. Она сама не могла разобраться в этом. Иногда она вела себя, как ребенок. Его осторожная рука успокаивала ее. Спустя несколько минут она поддалась его присутствию рядом, придвинулась к нему ближе и положила голову ему на плечо.

Маккой жил в городке Принс-Фредерик округа Калворт, в большом роботизированном особняке с прислугой и периметром охранного комплекса. Ржавый «Хью» вынырнул из-за пригорка и безо всяких контрольных кругов жестко плюхнулся в центр вертолетной площадки. Пилот смачно выругался и принялся щелкать тумблерами на панели. Элизабет и Том выбрались из гремучей машины на стриженый газон.

– О-о! Привет, ребята! – к ним навстречу вышел Уолтер. – Как долетели?

– Отлично, бро, – ответил Том, крепко обняв Уолтера.

Из-за дома выбежал светло-рыжий лабрадор по имени Чико и восторженно залаял. Для него чем больше было вокруг людей, тем лучше. Из двери показалась Ханна с полотенцем на голове, кивком поприветствовала Тома и махнула Элизабет, приглашая войти внутрь. Чико забежал в дом следом за ними.

Мужчины расположились на террасе в плетеных креслах. Маккой достал электронные сигары и предложил гостю. Том отрицательно замотал головой. Элизабет вынесла им два бокала мартини и воду. Поднялся небольшой ветер, давая передышку от жары.

– Какие новости в храме мира? – с сарказмом спросил Уолтер Маккой, занимаясь сигарой. Она почему-то не разгоралась, отказываясь давать «изысканное контролируемое горение».

– Ястреб интересуется, не настал ли случайно мир во всем мире? – усмехнулся Форман, взял свой бокал и закинул ноги на столик. – Если такое вдруг случится, Уолтер, ты узнаешь первым.

– Даже так, – усмехнулся Маккой.

– Тебе придется переквалифицироваться, бро. Будешь на гражданских рейсах возить старушек во Флориду.

Том по-дружески подмигнул. Маккой захохотал. Редкие коротко остриженные волосы плохо прикрывали капли пота на голове. Он все-таки разжег сигару, довольно оскалил желтоватые зубы, откинул грузное тело на спинку кресла и закурил.

– Война – это традиция. Это в крови, Том. Это наш патриархат, от него никуда не денешься. Кажется, сам Ницше легализовал убийство себе подобных ради благородной цели, – рассуждал Маккой, изображая сигарой бомбардировщик, заходящий на цель. – Я бы и сейчас не отказался сравнять с землей какой-нибудь жалкий городишко, – он ухмыльнулся и хитро посмотрел на Тома. – Шучу.

Том знал, что его друг не шутил. Ястребы, они все похожи друг на друга. Хищники. Мощный военный арсенал щекотал нервишки, если простаивал без дела. Однако Уолтер не всегда был таким. Жестким он стал, когда получил много власти. Том относил это к профессиональной деформации, поскольку и сам ощущал ее влияние на самого себя. Он почти растерял былую мягкость и сочувствие, когда стал руководить людьми.

– Справедливость – понятие спекулятивное, как и благородность целей. Мне больше по нраву: «живи и дай жить другим», – ответил Форман.

– Мальчики, с вас барбекю, – Ханна вынесла поднос с колбасками. – Ведь только у таких, как вы, есть особый сговор с огнем.

Некоторые выражения Ханны выглядели странными. Родом из Западной Вирджинии, она олицетворяла собой ту самую консервативность, которая некогда была национальной особенностью страны. Ее быт, ее гордая осанка и манеры, которые не назовешь чопорными, но все же навевали мысль о порядочности и сдержанности. Она никогда не затмевала мужа, всегда находясь в его могучей тени, хотя остротой мышления могла запросто заткнуть его за пояс, или, как говорят местные, обогнать на беговой дорожке. Ханна любила все тайное, и окружающий мир в ее представлении был куда сложнее, чем то, что видел Уолтер в прицеле авиационной пушки.

Мужчины переместились во двор под навес, где стояли принадлежности для приготовления мяса на открытом воздухе. Вояка с энтузиазмом принялся за готовку, а Том ему помогал. Чико, хотя и был абсолютно сыт, смотрел голодными глазами и беспардонно ждал, когда что-нибудь упадет на землю. Пока готовились колбаски, Ханна провела Элизабет вдоль клумб, показав свои достижения. Ее подруга выражала неподдельный восторг всякий раз, когда видела какой-либо флористический изыск. Утомившись, Элизабет подошла к мужчинам. Уолтер в это время рассказывал одну из армейских баек, а Том хохотал от души, расплескивая мартини.

– Я не помешаю? – спросила Элизабет, нежно положив руку на плечо мужа. Она посмотрела на его бокал и, нахмурившись, спросила: – Тебе не много уже? Может, хватит?

– Все под контролем, – с улыбкой ответил Том, обняв ее одной рукой за талию.

Ужинали на террасе. Ханна рассказала про нового знакомого, покорившего местную публику клуба любителей сверхъестественного, в который она захаживала по субботам. Он оказался способен предсказывать будущее по марсианским кратерам. Том и Уолтер весело шутили, временами вставляя реплики «на грани» в адрес предсказателя. Потом смеялись над Уолтером, который где-то потерял свою трость. То ли в зоне барбекю, то ли в доме. Нахваливали кухню Ханны, но оказалось, что всё было приготовлено ресторанным роботом. В этом, как пошутил Томас, консерватизм Ханны дал слабину. Элизабет несколько смущалась из-за того, что не приготовила что-то сама, хотя это было совсем не обязательно.

Глава 8

К вечеру женщины ушли в дом смотреть сериал. Откуда-то неподалёку, противно и громко жужжа лопастями, в небо поднялся модуль переполненного аэротакси. В траве у забора стрекотала запоздалая цикада. Маккой курил свою «электронику». Его глаза сузились от мартини и казались сочно-красными в лучах заходящего солнца.

– Помнишь ту женщину, Кейт Иверос? – Уолтер процедил дым сквозь зубы.

– Эту дурацкую истеричку, которую хотело сцапать АНБ? – от алкоголя Томаса развезло. Ему было весело.

– Она у них.

Томас сделал гримасу: «этого следовало ожидать». Новость нисколько его не тронула. Наивная женщина с глупыми целями и амбициями, совершенно не понимающая, как работает этот мир. Маккой медленно встал и, хромая сильнее обычного, закрыл дверь в дом. Ханна и Элизабет сидели перед телевизором в гостиной. Ханна поняла, что сейчас Уолтер с Томасом будут говорить о чём-то секретном.

– Этой зимой у меня была спецоперация в Антарктиде, – начал Маккой, вернувшись в кресло на террасе, которое жалобно скрипнуло под ним. – Ты слышал о «пришедших»?

– Пришельцах? Инопланетянах?

– Да-да, типа того, они навроде инопланетян. Но сильно смахивают на людей. Их так назвали, но откуда они, никто толком не знает.

– А, понял, – кивнул Форман. – Была шумиха.

– Да, была. Пока ее не перебил этот гребаный индийский дешивровщик. Только о нем все и говорили. Свои деньги всегда важнее, – Маккой презрительно усмехнулся. – А «пришедшие» никуда не пропали. На вид – обычные люди, как и мы. А что внутри, может они роботы, этого пока никто не знает.

Форман отставил в сторону недопитый мартини. Элизабет беспокоилась, чтобы он не пил слишком много. Самое время остановиться, подумал он, предчувствуя интересную информацию от Уолтера.

– Откуда они свалились на нашу голову, этого тоже никто не знает, – продолжал Маккой. – Мы засекли их базу. Тот район называется Мери Бэрд. Сначала думали, что это чья-то научная станция, сравнили снимки и поняли, что она появилась за одну ночь. Ну, ты понимаешь, о чем я.

– Прилетела из космоса?

– Объект такого размера не входил в атмосферу, – Уолтер прихлопнул надоедливого москита, который чудом пробрался через экран. – Он как будто из-под земли вырос. Модуль белого цвета, приблизительно 10 на 20 метров. На снегу его не видно, ни один глаз бы не заметил. Вычислили алгоритмы. Форма – параллелепипед. Признаков излучения радиочастот не обнаружено. Так, по крайней мере, сказали в радиоразведке.

Маккой руками изобразил параллелепипед. Цикада, которая надоедливо стрекотала последние полчаса, наконец замолкла. Чико лег на остывающие после жары доски террасы у ног хозяина и устало вытянул лапы.

– Ну так отправили бы к ним экспедицию, – как бы между прочим заметил Том.

– К ним десантировался отряд спецназа. Там был специалист по поиску каких-то типа внеземных цивилизаций. Да только у них заглохла техника. Вся техника. Даже навигаторы. И команда вернулась обратно. Знатно струхнули. Не знаю, как объяснить, но там творится, по их словам, какая-то дерьмовая чертовщина. Мы потеряли из-за этого две «вертушки». Двухмильная зона вокруг объекта – там ничего не работает. И, говорят, страх такой, как перед смертью, будто она смотрит тебе в глаза. Я не верю, что отряд спецназа мог такое выдумать.

– Хех, что еще за чертовщина, – ответил Том.

– Вот так вот, бро. Я предложил сровнять это дерьмо с землей. Мы засекли, как они выходят оттуда. Человек десять. На них такие костюмы герметичные, и ранцы. И разлетаются кто куда.

– Разлетаются?

– Да, – Маккой весело посмотрел на друга. – Можешь считать меня полным идиотом, но они разлетаются, как жуки или осы.

– И что дальше?

– Мы обнаружили три таких вылета. Возвращаются через пару – тройку дней, одновременно.

– И куда они летают?

– Засечь не удалось. Это надо каждому по маяку приделать, чтобы отследить. В разные стороны. Дроны за ними не успели бы. Говорят, что их видели в разных частях мира. Да все бы ничего, пусть бы себе летали, но некоторые люди из спецназа стали сходить с ума и нести какую-то чушь. Из тех, кто был на том месте в тот день. Я думаю, «пришедшие» заражают население, – Маккой провел рукой по коротко остриженным волосам и добавил: – Учитывая эти скудные данные, я принял решение уничтожить их к чертям, пока все мы не слетели с катушек.

– Ты? – переспросил Форман.

– Да, – лицо Уолтера Маккоя, и без того лишенное эмоций, теперь напоминало неподвижную маску. – Я сильно рисковал. Хотя… мне не привыкать. Если довести до Конгресса, мы бы проиграли время. Поднимется общественность, всякие защитники «людей – насекомых». Ну, ты понимаешь. К тому времени мы все сошли бы с ума. Болезнь заразная. Конечно, операция проведена впопыхах. Секретность зашкаливала. Надо было действовать быстро. Я пустил всего лишь одного своего «птенца».

Маккой посмотрел на облака, поднимающиеся с запада. Солнце к тому времени окончательно спряталось за горизонт.

– Завтра погода испортится, – заметил он.

– Эли хотела спать дома, – сказал Том. У него опять болела спина, и он ерзал в кресле.

– Что так? В доме полно места, спите у нас, – радушно предложил Уолтер. Его лицо снова потеплело.

– Надо спросить у Эли, я сам то не против, бро. Так что же там дальше?

– Дальше – не лучше. Перед пуском ракет оператор дрона увидел человека у этого чертового модуля. Если коротко – это была Кейт Иверос, та самая. Она прилетела туда на одномоторной «Цессне», которая заглохла в паре миль. В последний раз она отметилась в Аргентинском аэропорту Ушуая. Эта сумасшедшая посадила самолет и пошла пешком. Затем прилетел мой «птенец» и расплавил все вокруг.

– Только не говори мне, что она выжила, – Том рассмеялся.

– И через полгода выступала в твоей гребаной конторе, – усмехнулся Маккой.

– Ты уверен, что в твоем бомбардировщике были не рождественские подарки?

– Мне было не смешно, – серьезно ответил Маккой, сузив глаза. – Я не владел ситуацией. Чертовски дерьмовое чувство. Уж лучше бы она сдохла. Позже мы обследовали каждый сантиметр. Ни обломков, ни следов. Модуль «пришедших» исчез. Оставались куски ее самолета. И все. Никаких других следов.

– В этой истории больше вопросов чем ответов, – заметил Форман. – Знаешь, мне раньше казалось, что это какая-то постановка, очередной театрализованный фейк. Снимается такое шоу, максимальная вовлеченность аудитории и все такое. Тема Марса все же несколько подзатухла в последнее время. Вот, думаю, на ее смену и придумали «пришедших». Не люблю сенсации. От них пахнет желанием обмануть как можно больше людей.

– Это не фейк.

– Мне становится интересно. Ты говорил с ней? Ты же увез ее прямо с моего саммита.

– Да, я говорил с ней, – устало ответил Уолтер. Его лицо снова стало отрешённым. – Она рассказала, что подошла к белому модулю. Вдруг открылся вход. Ее втянуло внутрь. Она сказала именно – «втянуло». Больше она ничего не помнит, очнулась только в своем доме, за тысячи миль от этого места.

– И больше ничего?

– Ничего. Её вырубили и отвезли домой. Судя по тому, что эта стерва выжила, сам этот грёбаный корабль «пришедших» не пострадал. Он убрался к чертям.

– Что от нее хочет АНБ?

– Их интересует, откуда у нее секретные сведения о высоких чинах.

– Да тут все просто: у нее открылся дар после событий в Антарктиде, – предположил Том, саркастически усмехнувшись. – Получается, что пока она жива, никто из элит не находится в полной безопасности. Ее устранят. Она же не простая домохозяйка, которая будет травить байки о президентах только в своем кругу. Эта сумасшедшая добралась до трибуны ООН. Мне интересно, как Мисс Решительность получила доступ к микрофону?

– Так это ты первый должен знать, – заметил с усмешкой Маккой.

– У меня своя работа. Она ничего не нарушила и не попала в мое поле зрения, – отмахнулся Форман.

– Государство Науру предоставило ей свою квоту. А тебе сейчас не стыдно, что в твоей работе я разбираюсь лучше тебя? – Уолтер хитро посмотрел на Томаса.

– В моей работе ты не разбираешься ни на йоту, – усмехнулся Томас. – По квотам – не моя специализация. И вообще, мне плевать на нее, в отличие от тебя.

– Ну-ну, успокойся Том, – примирительно сказал Уолтер.

– Все в порядке, – отмахнулся Форман. Они оба не выносили, когда кто-то сомневался в их профессиональных качествах, и, признаться, Томас понял, что задел друга в разговоре чуть ранее, когда пошутил про рождественские игрушки в бомбовом отсеке над Антарктидой. А теперь, как говориться, «пришла ответка».

– Мне жаль ее, – Форман увел разговор в другое русло. – Говорила она искренне, глаза горели собственной идеей. И что теперь ты намерен делать? Ведь дело вовсе не в Кейт Иверос?

– Война не окончена, – Уолтер как бы между прочим посмотрел на Томаса, потянулся за сигарами, достал одну и не торопился нажимать на кнопку. – Ты прав, эта бабёшка для меня ничего не значит. Дело – дерьмо. У нас под носом происходят вещи, на которые мы не можем повлиять. И никто ничего не понимает.

Вертолет отвез их с Элизабет обратно. Всю дорогу она молча прижималась к Тому, держа его ладонь, и думала о чем-то своем. Когда «железная стрекоза» приземлилась намеренно дальше от их дома, Том помог жене выбраться, и они побрели, продолжая держаться за руки. Пилот посмотрел им вслед, ухмыльнулся и, дождавшись, когда они скроются в доме, повел свою летающую машину в обратный путь, разгоняя запоздалые аэротакси. У военных было безусловное преимущество в небе.

Глава 9

В понедельник Форман сел за общий отчет по саммиту, который длился 4 дня на прошедшей неделе. Событие оказалось напряженным. Страны-экспортеры нефти нанесли сокрушительный удар по лагерю производителей новейших аккумуляторов и водородных гигантов. Был найден способ молекулярной обработки нефтепродуктов, который подразумевал дальнейшее снижение выбросов в атмосферу. Их оппоненты не были готовы к такому и им пришлось апеллировать к устаревшим данным.

Но отчет Формана касался не содержания мероприятия, а инцидентов, реагирования, вовлеченных сотрудников, обнаруженных слабых мест и рекомендаций, а также прогнозов и предложений по предупреждению инцидентов и минимизации последствий. В общем – рутина руководителя департамента безопасности.

Форман отвлекался от работы. Привычно ныла спина. Ему рекомендована операция, но он не хотел ложиться на хирургический конвейер, и не располагал временем, чтобы после операции лежать в больнице. В кабинет вошла секретарша, принесла бумаги на подпись, приготовила ему кофе и вежливо отпросилась с работы после полудня. Форман не возражал.

Он взял чашку и подошел к окну. Небо над Нью-Йорком, затянутое густыми облаками и смогом, лениво исторгало мелкий дождь. По Ист-Ривер привычно сновали небольшие суда и лодки. Кому-то из них не повезло с погодой, особенно туристам и парочкам на романтических прогулках, или блогерам, снимающим каждый свой чих. Город жил, двигался, шумел, не умолкая даже ночью. И здание Секретариата, в котором сейчас находился Форман, также было частью неспокойного города.

Постояв недолго у окна, он вернулся за рабочий стол. На повестке дня – видеоконференция с сетью координаторов и советников по всему миру. Она не длится дольше двух часов, но на это время надо внутренне собраться, чтобы не выглядеть кислым стариком. На видеоконференции будут руководители отделов, подчиненные Форману, его первый помощник Сэм Винтер и сам генсек, если захочет. Он упоминал, что планировал подключиться. Присутствие генсека всегда вносило нервозность, которая распространялась на всех, но никто не подавал виду. Он был лишним элементом на таких встречах, сидел «болванчиком», изучая лица присутствующих.

В конце рабочего дня Форман отправил общий отчет генсеку, вошел в лифт и спустился на парковку. Персонал к этому времени разъехался. На парковке оставалось лишь несколько автомобилей. Том задал голосовому помощнику напомнить о нужных делах на завтра, в том числе о принятом решении вывезти миссию из Нигерии. Судя по времени, миссия покинула страну. Последнее сообщение от сотрудников поступило пару часов назад, когда оформлялись документы на авиарейс. Бенин официально отказался их принять, самолет должен приземлиться в Камеруне.

Пока автомобиль вез его домой, Форман решил вздремнуть. Он отправил Элизабет сообщение о том, что едет, максимально разложил сиденье и закрыл глаза.

Глава 10

После всех этих событий прошел месяц, и Форман благополучно забыл про Иверос.

Как-то днем, когда он только что вернулся в офис из рабочей поездки, кто-то постучал в открытую дверь. В кабинет вошел агент ФБР Ашер Валле. Он выглядел озабоченным.

– Томас, я тут был у Генерального и решил заглянуть к тебе. Ты не против?

Форман не испытал большой радости, увидев агента. Он встал, пожал протянутую руку, указал на стул и попросил у секретарши второй кофе. Томас и Ашер перекинулись несколькими фразами про спорт и погоду, пока секретарша отлучилась. Вообще напитки готовил кофейный автомат. Их было два – один в проходе напротив стола секретарши, второй у Формана в кабинете. Иногда Томас нажимал кнопку сам, но чаще просил это сделать секретаршу, чтобы не вставать и не потерять какую-нибудь ценную мысль.

– Томас, я не хотел напрягать тебя лишний раз, ты же знаешь это, – произнес Валле, криво улыбнувшись. – Но есть тут одно небольшое дельце, – агент откашлялся в кулак. – Ты помнишь ту женщину по имени Кейт Иверос?

– Кто она? – спросил Форман.

– Помнишь, я просил тебя дать мне поговорить с ней, – он потер морщины на лбу.

– Что с ней не так? – Форман чуть не пролил кофе на бумаги.

– Я занимаюсь ее делом. Она просит тебя прийти к ней.

– Зачем?

– Я не знаю.

– Где она?

– В женской тюрьме Бедфорт-Хиллз.

Форман устало посмотрел на Валле, который развел руками и ответил:

– Такова ее просьба. Так ты придешь?

– Я бы предпочел забыть ее, и все, что с ней связано. Психов сейчас пруд пруди, – произнес Томас.

– АНБ работало с ней каждый день. Но эти ребята быстро потеряли интерес, и мой шеф сказал, что мы скоро могли бы отпустить ее. Мне так вообще на нее плевать. ЦРУ и прочим она тоже не нужна.

– Что ей предъявили?

– Да, там политика сплошная, – уклончиво ответил Ашер. – Преступление против безопасности и шпионаж в пользу иностранной разведки. Но это все чушь. Дело закроют за недостаточностью доказательств.

– Я не адвокат. Зачем я ей нужен? – Форман еле сдерживал раздражение. Ему, предельно занятому человеку, придется взвалить на плечи еще одно небыстрое дело.

– Хорошо, можешь не приходить, я передам ей твое решение, – агент довольно неожиданно сменил риторику.

– Так и сделай, – Форман механически улыбнулся.

– Мне достаточно твоего устного ответа, – Ашер разочарованно улыбнулся. Он взял чашку, отпил несколько капель, торопливо распрощался и исчез за дверью.

Форман распечатал несколько документов и взялся за работу, от которой его отвлекли. Еще несколько минут он гнал навязчивые мысли о заключенной, пока не забыл о ней совсем.

Глава 11

Элизабет ждала его. Услышав, как машина подъехала к дому, она принялась накрывать на стол.

– Привет, моя красотка. Как дела? – спросил Том с порога.

– Привет, все нормально.

– Устал сегодня, – сообщил он и подошел к шкафу с алкоголем. – Ты не против?

– Нет конечно, – ответила Элизабет. – Что случилось?

– Напряженный и долгий был день, – Том утомленно подмигнул жене и задержал на ней взгляд.

– Что? – она не переносила его долгий взгляд и смущалась. Это его забавляло.

– Люблю тебя, – ответил он.

– Я тебя тоже, – улыбнулась она. – Смотри какой ужин я для тебя приготовила. Я молодец?

– Ну конечно ты молодец, – Том направился к шкафу за фужерами и по пути поцеловал ее.

Красное вино наполнило бокалы. От вина исходил нежный аромат домашнего уюта и любви. Элизабет провела пальцем по краешку бокала, смахивая пылинку. На ней были короткие шортики с кармашком, маечка с неуклюже напечатанным сердцем посередине. Волосы она собрала в хвост. Ее глаза выглядели глубокими и томными, словно влажными от желания. Родной овал лица, линия губ, шеи, плеч. Она не обладала идеальной фигурой, но Том любил ее такую. Удивительно, как же ему повезло, подумал он. Как же им обоим повезло. Самый родной человек сидел напротив него, пил вино, смотрел родными глазами и улыбался. Ей хорошо, и это самое главное. Тепло, уютно, сытно, любящий муж, дом, работа, взрослые дети. Том понял, что ему надо будет постараться для нее и после ужина.

За ужином Элизабет увлеченно рассказала, как пациентка, которую звали миссис Чапмен, создала вокруг себя такой ажиотаж, что доктор два часа устранял мнимые недостатки лечения. Она смеялась, в красках описывая, как потел доктор и летела слюна миссис Чапмен. Том слушал ее и любовался. Ему нравилось, как она говорит, звук ее голоса, как жестикулирует и имитирует голосом различные звуки, что редкость для женщины.

Они прикончили ужин и перебрались на диван. Элизабет поведала, что звонила их дочь Трейси и жаловалась на соседа, чья собака через забор напугала кота, который просто любит бегать по самому верху деревянного забора, чтобы не пачкать лапы о листву. Том рассказал про шоу, которое устроили по случаю старта очередного проекта ЮНИСЕФ, про чудаковатую пианистку, которая играла в главном конференц-зале Секретариата на виртуальном фортепиано, и про кислейшее шампанское какое ему доводилось пить на приемах. Элизабет вдруг вспомнила веселую историю про Оливера, их нового доктора.

– Расскажи мне про него подробнее, – попросил Том. Он заметил, что в ней что-то поменялось, когда она упомянула его.

– Это наш доктор, один из наших докторов. Он иногда приезжает поработать. А почему ты спрашиваешь? – лицо Элизабет вспыхнуло и Том почувствовал, как она заволновалась.

– Просто спросил, – отмахнулся он.

– Нет, не просто. Скажи, зачем ты спросил? Скажи, пожалуйста.

– Ты говорила о нем с необычным восторгом, – усмехнулся Том.

– Никакого восторга, – она нахмурилась. – Просто он смешной какой-то. Мне он даже не нравится, и приходит он редко, и от него воняет дурацким одеколоном, и волоски торчат из ушей.

– Ты даже его уши изучила, – издевался Том.

– Я сейчас тебя побью, ты у меня дождешься, – Элизабет забралась на него верхом и взяла подушку. – Только попробуй какой-нибудь вертихвостке сделать комплимент, пока я не вижу. Давай, расскажи, кто тебе там нравится.

– Никто мне не нравится, успокойся, – Том примирительно откинул руки, словно сдаваясь без борьбы.

– Врешь! – Элизабет сделала подозрительное лицо. – Расскажи-ка, кто такая Маргарет. И еще Алисия. И Памира кто такая, расскажи мне, не забудь. Кто они такие, а?

Тема ревности, катастрофическая для многих семей, у Форманов не вызывала серьезной бури и разрушительных последствий. Оба понимали, что живут среди людей. Том знал, что на работе его жена неизбежно сталкивалась с комплиментами и мужским вниманием. Делать из нее рабыню и прятать от общества он не хотел, предпочитая доверие. Они оба негласно знали: в случае чего им есть что терять. Поэтому ревность не отравляла им жизнь, но временами придавала отношениям некоторой пикантности. Конечно, в правильных пропорциях, которые выработали совместно путем проб и ошибок. Она ревновала его, иногда даже сильно, но старалась сдерживаться, а Том вел себя так, чтобы не подавать лишнего повода.

Элизабет мягко шлепнула его подушкой, делая вид, что рассержена. Том в шутку вскрикнул. Когда никого рядом не было, они часто вели себя как дети. Элизабет повторила свой коронный шлепок, а Том завалил ее на бок, будто раненый, но еще живой зверь.

Играя с женой, Форман невольно думал о новом для себя открытии. Его жена только что назвала имена трех женщин, к которым у него в сердце когда-то была тайная симпатия. Даже влечение, чего греха таить. Это возникало в те моменты, когда у них с Элизабет в отношениях был спад. Совместный ланч, пара комплиментов, обмен новостями за кофе. Разговоры. Ничего больше. Никаких дальнейших шагов к сближению с его стороны. Он вовремя останавливался, ловя на себе непонимающий женский взгляд, потому что по опыту знал, что последует дальше, и не хотел рисковать отношениями с Элизабет. Маргарет из ЮНИСЕФ, Алисия из Секретариата этажом выше, и Памира, которая владела магазином одежды, где он заказывал себе что-то поприличнее. У Маргарет необычайно притягательный взгляд, Алисия всегда на позитиве, а Памира на редкость лаконична, с тончайшим чувством юмора и абсолютно идеальной фигурой. Ни одну из них, и даже всех вместе, он никогда бы не променял на свою Элизабет.

Но его жена никак не могла знать имена всех трех. И подсказать ей не мог никто. Томас невольно вспомнил о Кейт Иверос, как она за трибуной ООН рассказала о неафишируемых делах известных лиц. Элизабет в этот момент довольно сильно стукнула подушкой ему по голове и тут же выбросила ее.

– Не больно? Я попала тебе, прости, – она крепко впилась губами в его губы, словно подтверждая свои права на мужа. Том прижал ее к себе, и так они целовались неприлично долго, потеряв счет времени. Они умели это делать. Вдвоем, у себя дома, не ожидая гостей и никуда не спеша. Два жарких человека. Два огня, нашедших друг друга среди всеобщей суматохи и бесполезной суеты. Телевизор в тот вечер остался выключенным.

На следующий день Том решил проверить Элизабет. Он задавал ей вопросы, ответы на которые она знать не могла. Намеренно врал несколько раз, спрашивал о своих коллегах, о работе ООН, чиновниках, которых лично знал. Элизабет, к его удивлению, отвечала верно на все вопросы. Она ошиблась лишь один раз, когда Том спросил, сколько детей у его первого помощника Сэма Винтера. Она назвала троих, но на самом деле у Сэма было двое детей.

Даже несмотря на эту ошибку, Том был потрясен. С его женой случилось нечто непонятное, и он не знал, как на это реагировать. Внешне она выглядела обычно, но знала столько, что сама испугалась. До этого самого разговора она ни разу не задумалась, что с ней что-то не так.

– Расскажи, как тебе приходят эти мысли, – попросил Том.

– Не знаю, я просто говорю.

– И ты не чувствуешь внешнего влияния?

– Нет.

– Ну там, может кто-то шепчет тебе ответы?

– Нет, никто не шепчет. Том, я умру? Это опасно? – она села ближе, с тревогой заглянув ему в глаза.

– Я не знаю, – ответил он.

– А ты, ты чувствуешь такое же?

– Нет. У меня все по-прежнему.

– Ну скажи, сколько детей у того Оливера, про которого мы говорили вчера? – с надеждой спросила Элизабет своего мужа.

– Понятия не имею.

– А как зовут его жену?

– Мне неприятен разговор про этого Оливера, – ответил Том и отвернулся.

– Прости, я не буду тебе напоминать о нем. И, кстати, он уезжает в Калифорнию, – примирительно улыбнулась она.

Глава 12

Форман не мог выбросить из головы произошедшее с Элизабет. После того как он уладил все дела к 11 утра, он все же решил посмотреть выступление Кейт Иверос на саммите, чтобы разобраться в случившемся.

Видеозапись хранилась в архиве. Секретарша куда-то вышла, поэтому Форман сам сделал себе кофе и поставил стаканчик на свой стол. Подойдя к окну, он минуту смотрел на воды пролива Ист-Ривер, по которому в это время проходил небольшой пассажирский лайнер. Дождь прекратился, темные облака волочились над городом, который тосковал по хорошей погоде.

Томас еще немного потянул время, словно перед чем-то важным. Ему нужно разобраться, раз это дело коснулось его жены. Он открыл файлы на сервере с архивом, запустил видео, отодвинулся с креслом назад и закинул ноги на стол.

На видео молодая женщина лет тридцати в строгом темном костюме уверенно вышла на сцену и стала говорить. Качество картинки позволяло рассмотреть ее лицо в деталях. Форман уловил какую-то смутную ассоциацию с ее обликом. Что-то она ему напоминала, но он не мог понять, что именно.

– Я благодарю тех, кто помог мне сегодня оказаться здесь, на этом месте. Я Кейт Иверос, занимаюсь разработкой туристических маршрутов и сопровождением групп, – она сделала паузу и поправила микрофон. – На этом саммите мы все слышим о глобальных изменениях на планете и способах решения, и мир многое может сделать благодаря таким обсуждениям. Но я хочу обратить ваше внимание на иную проблему. Такую проблему, перед которой меркнут все остальные, кроме разве что ядерной катастрофы или прилета гигантского метеорита. Мир на пороге иной катастрофы. И мы все должны будем принять изменения в нашем обществе, которые скоро произойдут. Не всем это понравится, но иного выхода ни у меня, ни у вас нет.

По системе распознавания лиц Форман отыскал ее досье. Это информация низкого уровня, которая доступна всем спецслужбам.

– Да, такие саммиты, как этот, привлекают внимание всего мира и приносят пользу, но они никогда не смогут до конца выполнить поставленные задачи. По независящим от нас причинам мы не можем объединить усилия и окончательно закрыть тему экологии, чтобы двигаться дальше в развитии. Мы не можем закрыть тему коррупции, войн, насилия, – она запнулась, словно ей стало тяжело говорить, затем приложила усилие и продолжила. – Вовсе не нужно быть выпускником Гарварда, чтобы понять, что мы никак не можем дойти до причины и боремся лишь со следствием и симптомами.

Она прокашлялась, поправила шарфик на шее и продолжила:

– Люди не одиноки. Я, конечно, не могу сказать сейчас наверняка, в деталях, но люди не одиноки. Мне выпала честь узнать первой, хотя, может быть, я и не первая, но это неважно. Буквально в этом году в обществе начнутся изменения, на которые мы повлиять не в силах. Эти изменения уже начались. На поверхность выйдет то, что мы хотели бы скрыть в силу разных причин. Обществу нужно принять эти изменения, не держаться за прошлое и не сопротивляться. Тем более, что нашим прошлым можно гордиться, только если нам всем плевать на объективность.

Форман не видел на записи реакцию зала, но последние слова, безусловно, возмутили тех слушателей, которые построили свою карьеру или мировоззрение на воспевании прошлого. Она говорила горячо и уверенно, отличаясь от остальных докладчиков тем, как говорила. Экспрессивно и безапелляционно. К этому моменту Иверос завладела вниманием даже тех, кто боролся со сном.

– Вы все слышали о «пришедших». Предстоящие изменения будут прямым следствием того, что они посетили нас. О них много говорят неправды, и даже некоторые считают их опасными, но это не так. Мы сами становимся опасными для самих себя, настолько, что требуется вмешательство. Мы сами не замечаем, как ложь, ненависть, злость, предубеждения и дикая средневековая субъективность стали нормой для нас. Мы привыкли к этому кипящему котлу внутри нас. Мы не знаем, как по-другому.

Форман остановил запись. Кейт сказала о «пришедших». Маккой также говорил о них. Кто они и откуда? Какова цель? В кабинет вошла секретарша и положила на стол бумаги. Форман кивнул, но не стал их просматривать. Он снял видео с паузы.

– На поверхность выйдет правда, – Кейт оглядела зал, словно решая, говорить ли дальше. Форман помнил, что в тот день в зале сидели представители разных стран, несколько президентов, политики, бизнесмены, активисты и журналисты. Кейт набрала воздуха и продолжила:

– Правда, которую мы все так привыкли скрывать и ненавидеть. Она такая разная и все же – она одна. Добрый день, премьер-министр, – она смотрела в направлении прямо перед собой. – Два дня назад на ваш тайный офшорный счет поступило полмиллиона евро от компании «Электро-Групп Холдинг», в том числе за ваше выступление на этом саммите на стороне производителей солнечных панелей и аккумуляторов. Ваше лобби выльется в новые экологические поправки к закону о вредных атмосферных выбросах, где вы приложите экспертизу от компании «Дженерал Г. Даймон», составленную с учетом сокрытия фактов о реальном вреде производства.

Форман не видел, кому Иверос адресовала эти слова, но адресату они скорее всего пришлись не по вкусу.

– Мистер президент, – обратилась она к следующему адресату, по-видимому некоему президенту компании. – Акции вашей компании падают, но вы надеетесь в ходе саммита поднять себе рейтинг. Вы на грани банкротства, однако вместе с мэром вашего города создаете иллюзию стабильного роста. Вливания, благодаря вашим связям с государственным финансовым сектором, не спасают ситуацию. В Европе сажают в тюрьму и за меньшие растраты.

Я вижу здесь первого заместителя главы Центрального Банка, – продолжала Иверос. – Добрый день! О ваших махинациях с произвольной покупкой суверенных облигаций на вторичном рынке никто не догадывается. Но за этим стоите не вы, а лично глава Банка, и поймать его не так просто, даже если схема обнаружится, потому что у вас есть лазейка в законе благодаря поправке, принятой Конгрессом в прошлом году.

Форман усмехнулся. Удивить его эмоциональным выступлением, даже с яркими разоблачениями, было сложно. Он пытался понять, как все это связано с «пришедшими» и Элизабет.

Кейт продолжала. Она переключалась с одного представителя на другого, ее голос словно «вбивал гвозди в чьи-то новенькие гробы». Ее никто не прервал. Генсек, имеющий на это полное право, спокойно сидел на своем месте за трибуной. Камера показывала, как он делал пометки в компьютере и переговаривался с помощником. Форман уверен, что репортеры за кадром уже звонили своим редакторам, обещая сенсационный материал, чтобы забронировать первые полосы и лучшее эфирное время. Выступление Кейт Иверос длилось 10 минут.

– Я рассказала вам только маленькую часть того, что вы предпочли бы скрыть. Если взять другие страны, то там уровень коррупции в десятки раз выше. Я еще не касалась политики. Я также могла бы рассказать о ваших внебрачных детях, пикантных связях и пристрастиях, но моя цель не в этом. Довольно с вас, – Кейт улыбнулась, чувствуя в этот непростой для всех момент свое превосходство.

Формат выступлений подразумевал вопросы. И первым внес некую стабилизацию сам Генеральный секретарь. Услышав его неторопливый голос, присутствующие в зале облегченно выдохнули. Это было слышно даже на записи.

– Мы представляем идеологию открытости и свободу от коррупции, поэтому мы ценим ваши замечания. Однако, как то, что вы произнесли, касается экологической повестки нашего мероприятия?

– Напрямую. Мы собрались здесь, чтобы противостоять общим глобальным проблемам, опасностям, которые ухудшают качество жизни на всей земле и угрожают самому существованию человечества. Если бы сейчас к земле летел астероид, мы здесь говорили бы как остановить его, не так ли? Но астероид не летит, а мы на пороге иной катастрофы. Это касается нашей экологии души, нравственности, морали, что более первично, нежели последствия, с которыми вы боретесь. До сих пор люди никогда не несли глобальной ответственности за свою мораль и отношение к правде. Наступает время, когда все поменяется.

– Вследствие чего все поменяется? – резонно спросил генсек.

– Изменения придут извне, и они связаны с «пришедшими», нам нужно просто не сопротивляться. Мы должны будем принять новое. Я и сама пока многого не знаю, но считаю своим долгом предупредить всех, чего бы мне это ни стоило.

– Нам было интересно выслушать вашу точку зрения, спасибо, – Генеральный секретарь выключил свой микрофон.

Ей задавали много вопросов. Журналисты наперебой пытались вырвать у нее больше информации. Всех интересовали именно ее разоблачения, а не что-то другое. Регламентное время быстро закончилось и ей не дали ни минуты лишней.

Форман понял наконец, какую ассоциацию в нём вызывала Кейт. Весь ее мрачный, но в чём-то изысканный образ, ее большие и открытые глаза, всё это выглядело так, будто ребёнок смотрел на него из пепелища ядерной войны большими голубыми глазами, в которых стойко теплилась надежда вопреки всему.

Он взял телефон и позвонил Ашеру. АНБ не имело ни собственных тюрем, ни полномочий ограничения свободы, и с этой целью привлекали ФБР. А из всех агентов наиболее подходящим для этого грязного дела оказался именно Валле, который курировал дела ООН, и первым поговорил с Иверос, установив хоть какой-то контакт.

Ашер Валле в это время отдыхал в ресторане «Пи Джей Кларк», где ждал свои устрицы в беконе. Напротив него за столиком сидела его коллега из отдела кадров Бюро. Интересная молодая женщина с чересчур накрашенными ресницами. Он что-то говорил ей, а она делала вид, что ей интересно, скрывая зевоту. Когда запиликал телефон, Ашер охотно взял его.

– Я бы хотел поговорить с твоей заключенной, – без лишних приготовлений произнес Форман.

– О-у, Том, что произошло? Ты ведь отказался от этой затеи, – искренне удивился тот.

– Устрой мне встречу с ней как можно скорее. Больше ничего не спрашивай.

– Как скажешь, Том, – растерянно ответил Ашер. – Если ты будешь со мной, то тебе не нужны никакие согласования.

– Разумеется. Назови время.

– Сегодня в 4 после полудня, – ответил Ашер, посмотрев на часы над ресторанной барной стойкой.

– Договорились, – ответил Форман.

– Встретимся на месте, я прилечу на аэро.

– Окей.

– Что-то случилось? – спросила у Ашера сотрудница.

– Звонил руководитель департамента безопасности ООН, – важно ответил Ашер. – Есть у него небольшая просьбочка ко мне. Ну так на чем мы остановились?

Глава 13

Бедфорт Хиллз – небольшой городок, в котором расположилась женская тюрьма штата. Старинные кирпичные постройки некогда заброшенной фабрики стали ее административными корпусами, а само здание тюрьмы выросло позади – высокая серая громадина с маленькими редкими окошечками. Унылый периметр мрачного заведения обнесен трехрядным сетчатым забором.

Форман приехал раньше. Он вышел из машины и огляделся. Рядом с тюрьмой находилась большая парковка и зона для аэротакси. Стояло много машин, и ходили какие-то люди с волонтерскими бейджиками. Что они там делали, Форман слабо себе представлял. Они перекликались между собой и были чем-то озадачены.

Ашер Валле прилетел на беспилотном аэротакси с восемью винтами спустя всего несколько минут. Он выбрался из транспорта и бодро зашагал к Томасу, ожидающему у входа в пункт досмотра. Их пропустили, попросив сдать оружие и проведя легкий досмотр.

Оказавшись на территории тюрьмы, Форман снял пиджак. После полудня облака развеялись, и ударила плотная, душная августовская жара. Откуда-то доносились дикие женские крики. Мужчины прошагали вдоль небольшого внутреннего парка, обогнули несколько зданий из красного кирпича и подошли к огромному серому комплексу. Предъявив документы полусонным сотрудникам в форме, Ашер повел Формана по длинным коридорам. В нос ударил спертый запах. Проходя мимо окна, Форман увидел через него узниц во внутреннем дворе, одетых в униформу грязно-зеленого цвета.

Форман остался ждать в комнате с ярким холодным светом, белыми стенами и заляпанным столом посередине. Агент вернулся в комнату через несколько минут. За ним шла Кейт Иверос. Она была без наручников.

Том невольно отвел глаза. От прежде цветущей молодой женщины ничего не осталось. Серое лицо, отеки и чернота под глазами, вытянувшийся нос и словно поредевшие волосы. Страшные уродливые шрамы обхватывали ее шею с двух сторон. Ее исхудавшие руки била нервная дрожь.

– Вы просили меня прийти, – сказал Том.

– Да, мистер Форман, – ответила она.

Голос у нее не изменился, словно какая-то сила все еще жила внутри исхудалого тела. Она посмотрела на него, и Форман увидел, что в ее огромных глазах горел огонь надежды.

– Что я могу для вас сделать? – спросил Том.

– Я хочу с вами поговорить.

– Наедине? – Том кивнул в сторону Ашера Валле.

– Нет. Здесь и так всюду камеры.

Форман сел на кресло и придвинулся к столу. От стола исходил неприятный кислый запах, и Том не стал класть на него руки. Кейт села напротив, агент ФБР с отсутствующим видом встал у двери.

– Я хочу, чтобы вы помогли мне выйти отсюда, – сказала Кейт. – Я невиновна в том, в чем меня обвиняют. Я сказала им правду, но меня обвиняют в клевете и даже притягивают государственную измену.

– Я не адвокат.

– Я знаю. Адвокат здесь не поможет.

– Чем тогда я могу вам помочь?

– У меня никого нет, – она сделала долгую паузу, Форман не торопил. Он бесцеремонно разглядывал ее шрамы. Кейт заметила это, но не смутилась. – Я глубокий интроверт и друзьями не обзавелась. Моя мать отказалась от меня сразу после рождения, у отца было много разных

женщин, и он много пил. Много раз отец говорил, что ненавидит меня, что я уродина и гожусь только для проституции в портовом отеле. Он умер, когда мне было 10 лет. Его застрелила сожительница и сожгла дом, пока я была в школе. Ее так и не нашли. Родственников у меня нет, только дядя в Сиэтле, но он живет в психиатрической клинике. Меня взяли в приемную семью методистов, а когда исполнилось 18, я сразу же вышла замуж за одного военного. Он был старше меня на 20 лет, и эти шрамы на шее – всё, что от него осталось. Дважды я убегала, но он находил меня и просил прощения. В итоге я верила, что он изменился, и возвращалась. У меня была болезненная привязанность к нему. Но проходило несколько недель, и кошмар повторялся. Полностью уйти я набралась смелости, когда забеременела от него. Я не хотела его ребенка и избавилась. Потом я подала на развод. Он мне угрожал, но я уехала в другой штат и там затерялась. Там я и поставила себе передние зубы, которые он мне выбил, – она оскалилась, словно волчица, показав ровные зубы, – это всё импланты. Выучилась в колледже, нашла хорошую работу, старалась забыть прошлое и жить только настоящим.

– Очень печальная история, – сухо произнес Форман.

– Потом появились они – «пришедшие». Обычные люди. Не отличить от нас. Но они точно не отсюда, по крайней мере я никогда не встречала таких людей, – глаза Кейт вспыхнули изнутри голубым пламенем. – Я искала встречи хоть с одним из них, но не смогла. Понимаете, мне казалось, что они знают больше, чем мы. И я не могла пропустить это событие, ведь в жизни так мало чего-то выдающегося, стоящего, кругом одна рутина, от которой уже тошнит. Мой знакомый работает в Лаборатории Прикладной Физики. Он с друзьями нашел их корабль через спутники. Тут я словно с катушек слетела, – она еле слышно рассмеялась. – Попросила у друзей самолет, который до туда точно долетит. У меня есть удостоверение пилота, но своего самолета пока нет. Я беру у друзей из нашего клуба. Оформила маршрут и вылетела.

Форман усмехнулся. Вот уж действительно слетела с катушек. Она начинала ему нравиться. Не как женщина, здесь было что-то другое. Он смотрел на нее так, будто она была нашалившей дочерью, которую после вечеринки привезли друзья в бессознательном состоянии. И вместо желания разразиться строгими нравоучениями, он проникся к ней сочувствием.

– Я не знала, долечу ли. Одна, страшно, первый раз на таком маршруте, – она задумалась на секунду. – Но другого шанса у меня бы не было. И я ни о чем не жалею.

– Вы отчаянный человек, – по тону голоса Формана это выглядело скорее насмешкой, чем комплиментом.

Она снисходительно улыбнулась, прощая его.

– Я должна была сесть на лыжах в Антарктиде. Перед этим я села на нашей станции Палмер, они мне помогли поменять колеса на лыжи. Я взлетела, но я ни разу не садила самолет на лыжи. Там ведь не утрамбованный снег взлетной полосы, а слежавшиеся торосы и просто сугробы. Это я уже потом поняла, что даже если сяду, вряд ли взлечу. Но я все же решила идти до конца. Я уже приближалась к цели, даже видела их корабль, стала снижаться, и вдруг мотор заглох. Все приборы отключились. Я запаниковала, кое-как спланировала на снег и села, но сильно повредила шасси. Его оторвало с корнем. И еще что-то случилось с крылом. До корабля оставалось полчаса пешком, и я пошла. Мне надо было поговорить с ними. И как только я подошла к их двери, с неба посыпались бомбы. Они так жужжали… как шершни. Дверь открылась, и меня забрали внутрь, – она сделала паузу и внимательно посмотрела на Формана. – Потом я оказалась на пороге своего дома и ничего больше не помню. Но после всего этого я стала видеть все по-другому. Меня просто нельзя было обмануть. Я все знала. Знала правду. Это даже забавно. Говорю с подружкой и понимаю, что она врет мне о том, что хочет меня видеть на будущем празднике города. И не считает, что мне идет моя прическа. И это не так, словно ты читаешь их мысли. По-другому. Это такая особая убежденность. Мысль приходит внезапно и настолько ясно, что это чем-то похоже на холодный горный воздух или родниковую воду. Ты видишь, словно человек краснеет, и выхватываешь суть. Видишь, что человек врет, и

моментально приходит знание правды. Какая-то секунда, и всё. Это невероятно! И такое особое чувство спокойствия при этом, как будто тебя кто-то сверху накрывает теплым пледом и успокаивает. На том саммите я выступала без записей, хотя я страшная трусиха. Всё это из-за необычайного чувства спокойствия. И это никакое не самовнушение или когнитивные искажения. Я делала эксперименты, чтобы исключить это. Это другое.

– Значит, вы тогда говорили под воздействием этого самого внешнего влияния? – задумчиво произнес Форман. – И не заготовили заранее всю ту грязь, что вы вылили на уважаемых людей?

– Да. Вот я смотрю на вас и сразу знаю, что вы мне не доверяете, я для вас психопатка или еще хуже. У вас нет явных нарушений закона, только иногда вы идете напролом ради вашего понимания эффективности или справедливости. Так было, например, в деле Линдси Фоселл.

Форман остался спокойным под ее взглядом. Ему пришлось подделать внутреннюю документацию, чтобы избавить несчастную Линдси Фоселл от тюрьмы.

– Не бойтесь, я больше ничего про вас не скажу, – улыбнулась она изможденной гримасой.

– Вы очень любезны.

Форман потер лоб и вопросительно посмотрел на Ашера. Тот неопределенно развел руками.

– Если я правильно понимаю ситуацию, ваш дар знать некоторую правду, связан с «пришедшими», – произнес Форман.

– Всё верно, – ответила Кейт.

– Откуда они?

– Они мне не сказали, но их технологии превосходят технологии нашего времени. Может они из будущего? Или с другой планеты?

– Как можно получить такой же дар, как у вас?

– Не могу сказать однозначно, но это происходит всегда при контакте с ними. Мне кажется, что это именно так.

– Хорошо, а при контакте с вами это можно получить? – он посмотрел на агента ФБР, как бы спрашивая, получил ли он от Кейт это влияние. Ашер пожал плечами и скривил непонимающую гримасу. Формана всего лишь интересовало, как могла этим «заразиться» его Элизабет.

– Я не заметила такого, – Кейт также посмотрела на Ашера. – Не могу сказать. Я не отслеживала судьбу тех, кто контактировал со мной.

– Какова цель «пришедших»? – продолжил расспросы Форман.

– Нам еще предстоит это выяснить. Мистер Форман, я прошу вас помочь мне. Меня здесь убьют.

– Почему вы так думаете?

– Я не думаю, я это знаю. Ко мне применяют психотропные вещества.

– Есть разрешенные психотропные вещества, – в разговор вступил агент Валле. – В целях дознания они применяются по решению суда.

– Мне стали колоть одно вещество. Это подготовка к убийству с помощью второго компонента. Мне уже сделали две инъекции с интервалом в три дня. Завтра будет третья. Через неделю после третьей сделают смертельную. Она убьет меня через месяц, абсолютно без следов. К тому времени меня должны отпустить. Я умру на свободе, такая у них задумка.

Форман снова посмотрел на Валле, но тот отрицательно покачал головой.

– Она невменяема и обычные процедуры воспринимает как угрозу. Не переживайте, мистер Форман, это типично для такого контингента. Она скоро выйдет. Мы готовим документы для освобождения, – агент ФБР примирительно улыбнулся.

– Здесь об этом никто не знает, – сказала она, имея в виду и агента, и персонал тюрьмы. – Только медсестра. Она приезжает из Олбани. Медикаменты привозит с собой и забирает свои пустые ампулы, шприц и даже салфетки.

Кейт умоляюще посмотрела на Формана. Казалось, что она внутренне кричит ему сквозь ураганный ветер, силясь докричаться. В уголках глаз блеснула влага.

– Время выходит, – напомнил Ашер. – Ребята, у меня еще куча других дел.

– Если вы знаете больше, чем обычный человек, то что я могу для вас сделать? Вы же прекрасно понимаете, что ничего, – Форман вопросительно посмотрел на Кейт.

– У жены вашего друга, Ханны Маккой, есть одноклассник с ником Эдвенчерс. Его зовут Донован. Он владеет информационным агентством.

Неожиданно Форман встал, вышел в коридор и позвал за собой агента:

– Ашер, можно тебя на секунду?

Он с полуслова понял, что хотела сказать Иверос. Ашер нахмурил лоб и неохотно последовал за ним в сумрачный коридор.

– Исчезни на пару минут, типа по делам, – прошептал Форман ему на ухо. – Я запишу короткое видео на телефон. Она хочет поднять шумиху. Если ты будешь при этом, то тебе не поздоровится, а мне ничего не будет, – Том смотрел ему в глаза, давая понять, что видео он запишет в любом случае. Увидев, что агент растерялся, он ободрительно похлопал его по плечу. – Дай мне три минуты.

Агент ФБР бросил недовольный взгляд на Формана и пошел куда-то по коридору. Затея ему не нравилась, но у него не хватило времени и аргументов на возражения. Форман вернулся в комнату допросов, на ходу включая камеру телефона. Он сел напротив Кейт Иверос, и она рассказала на камеру, кто она, где находится, по какому обвинению, про задуманное убийство, назвала имена медсестры и агентов АНБ, стоявших за решением устранить ее, название спецпрепаратов и упомянула о технологии бесследного отсроченного медикаментозного убийства.

После окончания записи она сдержанно улыбнулась Форману выцветшими, растрескавшимися губами. В этот момент на пороге комнаты переговоров появился Ашер Валле с озабоченным лицом. За ним следовала поджарая охранница в черной униформе. Томас направился к выходу, аккуратно положив телефон в карман пиджака. Агент проводил его до выхода из тюрьмы. Форман видел его беспокойство.

– Ты сам привел меня к ней, – усмехнулся Томас.

– Да, но дело повернулось, как мне кажется, не в ту сторону.

– Забей. Тебе нечего опасаться, – Том сделал дружелюбный жест.

– Никто не любит шумиху, – ответил Ашер, озираясь по сторонам.

– Да брось. Скажи, что вышел за охранницей, вот и всё. Не бойся, сегодня вечером это всё окажется в Сети. Ты сам пока молчи про это дело, только если спросят, тогда сообщи, что выполнил просьбу заключенной и в этом же духе. Ну ты же умеешь врать. Придумай что-нибудь, – Том похлопал его по плечу.

Они распрощались. Хмурый ФБРовец направился к своему аэротакси, поджидавшему на площадке со специальными знаками на асфальте, а руководитель департамента позвонил Элизабет:

– Буду через полтора часа. Заехал по делам в Бедфорт-Хиллз. Такая дыра, что хочется быстрее домой, – он усмехнулся и продолжил: – Ты там ждешь меня?

– Конечно жду, – ответила она, перейдя на шутливый тон, поняв, что у Тома хорошее настроение. – Будь осторожен на дороге.

У него и вправду поднялось настроение. Он стал на полшага ближе к разгадке феномена, повлиявшего на Элизабет. К тому же ситуация, напугавшая Ашера Валле, придала ему некий импульс драйва. Что-то неведомое и неподконтрольное происходило прямо на его глазах. И откуда Иверос знает Ханну Маккой? Опять этот дар или все же знакома с ней лично?

Он сел в машину, включил автопилот и написал Ханне Маккой. Раскачиваясь на неровностях, автомобиль помчался по вечерней трассе. Ханна ответила почти сразу, дала контакты своего одноклассника и не спросила, зачем он нужен Тому. Форман позвонил по номеру, но Донован не ответил. Тогда Форман надиктовал сообщение автоответчику и занялся делами по работе, которые забросил из-за поездки в тюрьму.

Однако, даже просматривая сообщения от своих подчиненных, он все равно не мог забыть о Кейт. В последние годы он стал понимать консервативных людей. Теплые места, привычный уклад, обжитость. А перемены – это всегда потеря обжитости. А что, если станет хуже? «Нам не надо лучше, нам надо не хуже, чем сейчас». Как можно осуждать таких людей, ведь они борются за свой привычный и понятный мир. А что делает сейчас Форман? Он сейчас помогает переменам. Кейт Иверос и есть перемена. Она и эти непрошенные «гости с Альфы Центавра».

Глубокой ночью запиликал телефон. Том открыл глаза. Сквозь щели в жалюзи пробивался тягучий свет уличного фонаря. Элизабет крепко спала. Звонил Эдвенчерс. Форман поспешно накинул халат и вышел на прохладную террасу. Ночь. Август. Полный штиль. Он сел в легкое кресло из биоразлагаемых материалов. По ночному небу в это время летел медицинский дрон, моргая маячками во все стороны.

Голос Эдвенчерса пылал свежестью, словно он сейчас был на другом конце планеты, где превосходное утро и кофе с круассаном на завтрак. Выслушав суть дела, Эдвенчерс задал несколько вопросов, в том числе о том, какой источник информации указать в случае проблем с властями. Не с законом, а именно с властями, потому что вся эта затея была абсолютно законна. Том назвал вымышленное имя, хотя АНБ без проблем вычислит его, если надо. Он отправил видеофайл. Спустя две минуты, которые всего-то и нужны для просмотра ролика, Эдвенчерс перезвонил и сообщил, что материал годный.

Постояв несколько минут на террасе, Форман вернулся в дом. Элизабет за все это время не шелохнулась. Несмотря на то, что дело было сделано, и файл с записью оказался в руках новостного агентства, Томас понимал, что Кейт Иверос будет и дальше преследовать его, будто назойливая муха. И скорее даже не она сама, а вся эта суматоха вокруг нее и этих «пришедших». Он лег рядом с Элизабет и усмехнулся, глядя в темный потолок. Жизнь интересна и непредсказуема, хотя играет она далеко не по нашим правилам.

Глава 14

Кейт Иверос держали отдельно от всех заключенных. Это был изолированный бокс, в котором она насчитала десять камер. Кто содержался в остальных, она не знала. Иногда в коридоре слышался шум и шаги. Гулять ее выводили в узкий проход между двумя бетонными заборами, где она могла видеть полоску неба сквозь металлическую сетку. Под ногами хрустел крупный щебень, через который росла редкая трава. Когда шел дождь, с крыши соседнего здания лилась вода, так что приходилось прижиматься к другой стороне прогулочной зоны.

С ней работала, а точнее ее «ломала», сотрудница АНБ Джейн Паркер, молодая активистка Лиги Колонизаторов. Имея «хорошие корни», она преданно выполняла миссию по сохранению текущего порядка. Строгий взгляд, короткая стрижка светло-золотых волос, чопорные манеры. Она носила брючные костюмы серовато-лунных оттенков и туфли на каблуке с металлической набойкой, которые стучали по бетону, словно пулеметные гильзы.

Она пыталась выведать информацию о «пришедших». С ней была медсестра, которая делала заключенной инъекции психоактивного вещества, подавляющего волю. После процедуры следовали многочасовые допросы на видеокамеру. Напор был настолько велик, что Кейт опасалась за свою жизнь. Доза вещества доходила до пятикратной нормы, вызывая у Кейт перебои в работе сердца и пищеварения. Но Кейт и правда ничего не знала.

Довольно скоро Джейн Паркер поняла, что не получит желаемое от Иверос. Во время последнего допроса, когда Кейт вырвало прямо на стол, Джейн брезгливо взяла ее за волосы и несколько раз молча ткнула лицом в блевотину. Затем она вытерла свои ладони салфеткой, швырнула салфетку в угол комнаты и с победным лицом удалилась по сумрачному коридору, откуда еще какое-то время доносился нервный стук ее каблучков.

Устранение Иверос одобрили сразу, издав соответствующий документ. Если она выйдет на свободу, то причинит серьезный вред АНБ и государству, не сопоставимый с ценностью своей жизни. В карьере Джейн Паркер это стало первым подобным заданием, выполнение которого добавит в ее копилку доказательств преданности государству и послужит всеобщему благу. Она не волновалась. Напротив, она страстно хотела выполнить его. Ничего не стоит. За время изматывающих допросов личная неприязнь к Иверос выросла до ненависти, из-за которой Джейн не могла больше жить с ней на одной планете.

Когда допросы прекратились, здоровье Кейт медленно пошло на поправку. От головной боли почти не тошнило, она могла понемногу есть, замутненное зрение возвращалось к норме, проходила слабость в ногах. Ей было всего тридцать. Организм, истосковавшийся по жизни, с каждым днем набирал отобранную силу.

На последнем допросе, том самом, когда Джейн Паркер тыкала ее лицом в испачканный стол, она поняла, что ее убьют. А когда медсестра сделала ей укол с подготавливающим веществом, Кейт поняла, каким способом АНБ сведет с ней счеты. Медсестра была в тот раз по-особому приветлива и нервозна. Кейт сразу все поняла. Она взглянула в глаза своей будущей убийце, но медсестра отвела взгляд, делая вид, что занята, убирая инвентарь.

В камеру после той подготовительной процедуры Кейт шла на ватных ногах. Неужели это всё? Она села на жесткую кровать, обхватив голову руками. Справа отливал стальным холодом тюремный унитаз. Она чувствовала себя маленькой девочкой, которую вот-вот раздавит огромная машина. В её кабине сидят всевозможные люди, которым дела нет до ее жизни. Пустыми глазами они смотрят перед собой, стараясь не поймать взгляд своей жертвы. Неужели это и есть ее конец? Вот так, вдали от всех. Среди холодных серых стен. Это поразительно похоже на ее жизнь, в которой она настолько одинока, что ее исчезновение вряд ли кто-то заметит. Может быть, так и надо?

Ночью она на удивление хорошо спала. Наверное, впервые за месяц в тюрьме. А утром тяжелые мысли вернулись. Жить, как же хотелось жить! Помогут ли «пришедшие»? Она не знала. Но у нее имелся печальный опыт напрасных ожиданий.

В голове сидела мысль о том, чтобы попытаться испортить смертельную инъекцию в подходящий момент. Выхватить из рук медсестры ампулу и разбить о кафель. А что, если у неё с собой окажется вторая? Тогда её свяжут и все равно сделают, как хотят.

Несколько следующих дней её никто не вызывал. Затем явился ФБРовец Валле, чтобы уточнить данные. Он и вправду не знал, что её хотят устранить. Спустя пару дней, когда Форман пришел в тюрьму, она сразу поняла, что это из-за жены. Он выглядел озадаченным. Хотя он всегда ходил с видом серьезным, но Кейт отлично понимала, в чем дело. В разговоре Форман до последнего строил из себя скептика. Это начинало раздражать. Ее моральные силы трепетали на ветру отчаяния. Однако в конце разговора начальник департамента безопасности неожиданно охотно записал видео. От него больше и не требовалось.

После визита Формана в ее распоряжении оставалось 8 дней. Ей сделали последнюю подготовительную инъекцию. Медсестра, по-видимому, такая же ирландка, как и она сама, попрежнему отводила взгляд и, поспешно прибравшись, удалилась, не сказав ни слова. Охранница, следившая за Кейт, подозрительно посмотрела медсестре вслед.

Все эти дни Кейт Иверос напряженно ждала. Она не знала, отправил ли Форман видеоматериал Эдвенчерсу, или забыл в своей рабочей суете? А если отправил, то насколько сильный резонанс произведет это все? Хватит ли ресурсов, чтобы изменить ситуацию? Ашер Валле больше не приходил, Джейн Паркер тоже не появлялась. Дни стали похожи друг на друга. Ускорялся обратный отсчет.

Глава 15

Джейн Паркер шла, стуча каблуками, по бетонной дорожке тюрьмы Бедфорд-Хиллз. Бело-золотистые волосы элегантно колыхались в такт ее шагам. Приятный шорох ее нового брючного костюма темно-серого цвета иногда заглушало пение птиц. Окутанная в аромат «от Гизе», она шла с высоко поднятой головой. За ней спешила, перебирая ногами, медсестра с небольшим серебристым кейсом в руке. Его хромированные замки бросали ослепительные солнечные блики.

Увидев двух молодых женщин через смотровое окно, охранник распахнул дверь, восхищенно пялясь на бедра Джейн с застывшей идиотской улыбкой на лице. Джейн прошагала мимо, горделиво взглянув поверх его головы. Медсестра, семенившая следом, выглядела жалко и напуганно; охранник привычно оглядел и ее фигуру.

Кейт Иверос не спала несколько последних ночей. Утомленная, она ложилась, но глаза сами собой открывались, а в голове крутилась вереница одних и тех же мыслей до самого утра, когда раздавался сигнал для подъема, обозначавший новый тягостный день.

Кейт вздрогнула от щелчка задвижки. Охранница открыла стальную дверь и жестом указала ей выходить. «Ну, вот и пришло это время», – подумала Кейт, шагая непослушными ногами. Надежды больше не было. Все шло по плану, только план этот был не ее собственный.

Она заметно постарела за последние дни. Черты лица выглядели острее, шрамы на шее отдавали синевой. Часовые прогулки на свежем воздухе не приносили прежнего облегчения. Когда Кейт ввели в процедурную комнату, Джейн ее оглядела и сухо улыбнулась одними губами. В этот момент ей кто-то позвонил.

– Положите ее туда, – распорядилась Джейн, указав на кушетку с ремнями по краям. – Ее нужно зафиксировать.

Паркер вышла в коридор, закрыв дверь комнаты. Звонил ее шеф. Нажав на кнопку принятия вызова, она подумала, что следовало сказать медсестре, чтобы без нее не начинала. Джейн лично хотела увидеть, как жидкость вливается в вену Иверос. Но ее шеф жутко не любил любых задержек с ответом по телефону. Кретин!

– Агент Паркер, отмена задания, – сухо произнес шеф. По тону голоса она определила его ужасное настроение. Впрочем, это его обычное настроение.

– Что? – переспросила она.

– Вы не расслышали?

– Извините, сэр, я слышала. Но сэр…

– Исполняйте. И срочно ко мне, – приказал он и отключился.

Она стояла на месте, держа в руке телефон. Кретин! Кретин! Кретин! Идиот! Что всё это значит? Она лихорадочно пыталась понять ситуацию. Как отмена? Почему? Что за черт?! Стоп, стоп, стоп… Сейчас только она одна знает об отмене, медсестра внутри продолжает свое дело. Если затянуть время, то всё произойдет, и Джен не будет виновата. Она просто не успела остановить. Как же хорошо, что она не сказала: «Без меня не начинать». Немного протянуть время, делая вид, что разговор с шефом задержал ее. Плюс-минус тридцать секунд.

Джейн знала, что в таком случае всё будут тщательно проверять. Будут допросы медсестры, охранницы, изъятие записей видеокамер из комнаты для процедур. Она сильно, очень сильно рисковала! Как быть?! Неподчинение приказу уничтожит ее карьеру, ее идеологию! А-а-а, как же быть?!

Джейн убрала телефон и сделала нерешительный шаг в направлении к двери. Под потолком она заметила видеокамеру. Черт!!! Она вспотевшими пальцами взялась за ручку и открыла дверь, все же надеясь, что медсестра успела совершить свою работу. В этот момент в комнате послышалась возня и крики. Джейн распахнула дверь.

Минутой раньше, когда Кейт поняла, что ее сейчас положат на кушетку с кожаными ремнями и пристегнут, она решила действовать. Медсестра готовила столик, а Джейн Паркер вышла за дверь, чтобы ответить на звонок. Кейт стояла посреди комнаты. Охранница жестом приказала ей ложиться. Сделав несколько шагов, Кейт приблизилась к кушетке, а сама следила за медсестрой. Она вот-вот должна открыть замки. Если она сделает это раньше, чем пристегнут Иверос, то допустит оплошность. Медсестра тянула время, понимая, что в этот раз в кейсе.

– Зачем меня пристегивать? – спросила Кейт, стараясь сделать беззаботное лицо. – Я никуда не убегу. Делайте так.

– Надо пристегнуть, – сказала медсестра. Тогда охранница подошла к заключенной, взяла за плечо и грубо толкнула к кушетке.

– Ложись.

Кейт пришлось лечь. Ее лицо стало бледным, как потолок в процедурной. Она не почувствовала холодного прикосновения обивки. Сердце колотилось. Охранница взялась за ремень для правой руки, таким образом встав между Кейт и медсестрой. В этот миг щелкнули замки кейса.

Иверос рывком перевалилась на другую сторону кушетки и соскочила на пол. Охранница вскрикнула, схватив ее за одежду, но не смогла удержать. Кейт рванула к медсестре, но та одним ловким движением захлопнула кейс с медикаментами. Тогда Кейт вцепилась в него что было сил, но медсестра также не отпускала его. Какой-то миг борьбы, и Кейт лежала в углу, обхватив кейс руками и ногами, а охранница что было сил молотила по ней пластиковой дубинкой.

Открылась дверь, и Джейн Паркер вошла в комнату. Охранница пыталась расцепить Кейт и чемодан, а медсестра в страхе стояла в углу, потирая ушибленную руку. Джейн окинула взглядом комнату и раздраженно объявила:

– Лечение отменено.

Услышав ее слова, Кейт подняла голову. Ее хватка ослабла. Охранница со злостью вырвала кейс, наградив заключенную еще парой ударов. От боли Кейт безмолвно свернулась клубочком. Медсестра схватила свой чемоданчик и, заметив, что он в крови, принялась пшикать на него средством и протирать салфетками.

В комнату вошли еще двое охранниц. Кейт рывком подняли на подкашивающиеся ноги, проволокли по коридору и бросили в камеру. Затем лязгнули замки, и все стихло.

Лежа на бетонном полу, Кейт неожиданно рассмеялась. Тупая боль не давала вдохнуть полной грудью, но она не могла удержаться. Ей было все равно, что подумают о ней, что она сошла с ума и все такое, что кто-то из надзирателей смотрит на нее через видеокамеры. Она почти беззвучно смеялась, а ее смех был похож на стон. Она выиграла! Джейн Паркер получила приказ отменить инъекцию. Как же приятно было видеть ее расстроенное лицо с этим идеальным макияжем и журнальной прической. У Джейн довольно бледная кожа, и сильно покрасневшее лицо говорило о дичайшем гневе.

Успокоившись, Кейт почувствовала себя настолько обессилевшей, что не смогла подняться с бетонного пола. Локоть не сгибался от ушиба, рука в крови, болели почки, отбитые дубинкой. Но она жива! У нее появилось твердое убеждение, что этот кошмар заканчивается и ничего больше АНБ не предпримет.

Глава 16

«Эдвенчерз» опубликовал видео. Две последние недели в тренде держались новости о финальных играх. Ролик с Иверос вышел в тот самый вечер, когда Джейн, стоя перед большим зеркалом, решала, что наденет для завтрашней поездки в Бедфорд-Хиллз. Просмотры ролика росли, и утром это попало в поле зрения Агентства. Новость еще не облетела весь мир, но в Агентстве всерьез оценили потенциал информации. Замять такое будет сложно. Всё в одночасье переменилось. Теперь ее смерть стоила бы слишком дорого для АНБ и страны. Когда шеф звонил Паркер, он был уверен, что опоздать с этим он никак не мог, но из-за нетерпения Джейн прибыла в тюрьму на полчаса раньше запланированного времени.

Утром около женской тюрьмы собралась толпа. Люди требовали немедленно освободить Кейт Иверос. После нашумевшего саммита ее потеряли. Слухи о том, что она в тюрьме, только подогревали ажиотаж. В обществе стихийно зародилось движение против коррупции, символом которого стала она. Ей стали посвящать песни и стихи, ее героизировали и сделали иконой всех несогласных с текущим порядком. Но никто не знал, где она и жива ли.

После опубликования видео из тюрьмы движение в ее поддержку приняло масштабы истерии. Независимые СМИ смаковали, как АНБ запрятало невиновного человека в тюрьму только за то, что оказалось правдой. Команда разоблачителей действительно нашла на офшорном счете премьера Испании крупный перевод, который он не смог объяснить комиссии. Раскрылись махинации главы Центрального банка Европы. Подтвердились коррупционные сделки чиновников США и Канады. Утром видео с Кейт крутили даже центральные каналы.

Тем временем толпа за периметром женской тюрьмы разрасталась. Скоро все места для парковки оказались забиты машинами. Их стали бросать вдоль дорог по всей округе. Аэротакси еще какое-то время приземлялись, но в конце концов диспетчеры отменили рейсы в тот район. Полиция перекрыла дорогу и стягивала подразделения на броневиках. В воздухе висели полицейские дроны. Журналисты вели репортажи. Одна женщина крикнула, что принесет канистру с бензином и устроит акт самосожжения. К митингующим вышел начальник тюрьмы, которого бросили одного на произвол судьбы и который имел меньше всего отношения к заключению. Он пытался перекричать толпу, заявляя, что вопросы с заключением Иверос не в его компетенции. Его красное и потное лицо действовало на толпу, как мулета в руках тореодора. Приехал сенатор. Его плотно обступили силы национальной гвардии, чтобы взбешенная толпа не разорвала его на куски. Сенатор взял мегафон и обещал разобраться, но из его пространной речи никто не понял, чьей стороны он придерживался.

Ни ФБР, ни тем более АНБ не показывали носа. Между тем репортеры выяснили, какой суд приговорил ее к заключению, и активисты устроили митинг у здания уголовного суда в Нью-Йорке. Скоро силы полиции штата оказались парализованы этим противостоянием. Власти штата уговорили судью провести заседание. Его назначили на следующий день.

Утром толпа заполнила квартал вокруг здания суда. Рядом располагались два небольших парка, обычно пустующих, в которых даже бездомные появлялись редко. В то утро там не оказалось свободных мест. Когда автозак с Иверос доехал до заполненного людьми квартала, митингующие расступились, скандируя ее имя. Охранники вывели Кейт в наручниках и поспешили в здание суда, по пути жестко разгоняя толпу. Им помогал спецназ и нацгвардия. Увидев свою героиню, толпа заревела, будто гигантский зверь, которому прищемили лапу.

Заседание началось под реплики из зала. Взволнованный и накрученный народ ожидал увидеть не меньше, чем правосудие. Заседание длилось минут десять, и суд отпустил ее под залог. Новость моментально облетела мир. И хотя дело против нее не было прекращено, теперь она могла свободно перемещаться.

Уолтер Маккой посещал в это время военно-морскую авиабазу Патаксен Ривер. На вооружение поступил новый беспилотный бомбардировщик, и всем не терпелось опробовать его на деле. Он был меньше своего предшественника и нес наполовину меньший боезапас, но такие машины можно отправлять на задание партиями, не рискуя экипажем.

Окруженный офицерами, Уолтер сидел на раскладном кресле прямо посреди бетонной полосы для рулежки и рассуждал:

– С такой малышкой Тибетс мог бы прохлаждаться в командном пункте Тиниана!

Офицеры дружно рассмеялись. Уолтер упомянул полковника, который управлял бомбардировщиком, сбросившим ядерный заряд на Хиросиму в 20-м веке. Перед полетом Тибетс, как примерный сын, повелел написать имя своей матери на носу самолета. Хладнокровие Тибетса, как и стратегия генерала Шермана в борьбе против Юга, незримо довлели над разумом Уолтера, наладив крепчайшую связь его нынешней службы с доблестью прошлого.

И кто знает, может, и спецоперация в Антарктиде, проведенная им, станет предметом гордости не только армии, но и всего населения планеты. Маккой был внутренне убежден, что это произойдет. И слава о нем, при определенных условиях, затмит или, по крайней мере, поставит его в один ряд с другими громкими именами.

То, что Иверос оказалась на свободе, Маккой узнал от своего секретаря спустя неделю. Узнал и тут же забыл. Она для него не опасна ни с какой стороны. «Пришедшие» — вот кто не давал ему спокойно спать последнее время. Он не знал, с кем имел дело и какова их стратегия. Он считал, что его главная встреча с ними еще впереди. Рано или поздно не они, так он их найдет и схватит за задницу. Он этого жаждал, как заблудившийся в пустыне путник жаждет найти колодец, полный воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.